СОЧИНЕНІЯ

ПУШКИНА.

1832-35.

3. 4.

П. Е.

ИЗЪ КНИГЪ

П. А. ЕФРЕМОВА.

№ ШК. ПОЛ.

Библ. Пушк. Дома

23 7/30

Инв. №

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Третья Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1832.

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Третья Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1832.

81 4/15 4

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, 20 Января, 1832 года.

Цензоръ И. Семеновъ.

86104

Библиотека ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР

1829.

I.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними уступовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь низходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ пѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ ущесы голодной волной....
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

II.

ОБВАЛЪ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ

Загородилъ,
И Терека могущій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга....
Ты запопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шёлъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда вёлъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

III.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатёръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный, надъ горами.

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!...

IV.

ДЕЛИБАШЪ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ Казаками
Вьется красный Делибашъ.

Делибашъ! не суйся къ *лавѣ*,
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, Казакъ! не рвися къ бою:
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечь удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ....
Посмотрите! каковы?....
Делибашъ уже на пикѣ,
А Казакъ безъ головы.

V.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла;
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ — отъ того,
Что не любить оно не можетъ.

VI.

(*Лагерь при Эвфратѣ.*)

Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавой
Съ Карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встрѣтитъ;
Азраилъ, среди мечей,
Красоту твою замѣтитъ —
И пощада будетъ ей!
Но боюсь: среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда!

VII.

ДОНЪ.

Блеща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далёкихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ..

Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Эвфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

86104

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже Донскіе кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Донъ завѣтный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

VIII.

ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ.

Когда ко граду Константина
Съ шобой, воинственный Варягъ,
Пришла Славянская дружина
И развила побѣды стягъ;
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву Греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатной
На Цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли.
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли;

Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

IX.

Поѣдемъ, я готовъ; куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію ль стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, шуда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи,
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ... но, друзья,
Скажите: въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?

— — — — — — — — — —

X.

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва,
И ты по приговору свѣта
На честь утратила права;

Одинъ, среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю
И за тебя мольбой безплодной
Кумиръ безчувственный молю.

Но свѣтъ... Жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ:
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрныя гоненья:
Къ забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій, душный кругъ;
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

XI.

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

XII.

(2 Ноябр.)

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилѣжными глазами;
Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,

Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно глотаю скуки ядъ.
Читать хочу; глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права
Надъ рифмой, надъ моей прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется, холодный и туманной.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ;
Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданая семья: старушка, двѣ дѣвицы,

(Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы),
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
И взоры томные, и вѣтреныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи;
И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!
Но бури сѣвера не вредны Руской розѣ.
Какъ жарко поцалуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва Руская свѣжа въ пыли снѣговъ!

XIII.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
На встрѣчу сѣверной Авроры,
Звѣздою сѣвера явись!

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,

Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла —
А нынче.... погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня,
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

XIV.

Щастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Въ службѣ, въ картахъ и въ пирахъ;
Ты St.-Priest въ каррикатурахъ,
Ты Нелединскій въ стихахъ;
Ты прострѣленъ на дуелѣ,
Ты разрубленъ на войнѣ —
Хоть герой ты въ самомъ дѣлѣ,
Но повѣса ты вполнѣ.

XV.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій,
Свои статьи Елагинъ обѣщалъ;
Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ,
Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочетъ;
И, говорятъ, надняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей преполезный трудъ —
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подоспѣлъ * * * * * *.

XVI.

Какъ сатирой безымянной
Ликъ Зоила я пятналъ,
Признаюсь: на вызовъ бранной
Возраженій я не ждалъ.
Справедливы ль эти слухи?
Отвѣчалъ онъ? Точно ль такъ?
Въ полученьи оплеухи
Разписался мой дуракъ?

XVII.

ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телегѣ, то пѣшкомъ?

Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ,

На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобраннымъ мостомъ.

Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окостенитъ,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ
Непроворный инвалидъ.

Иль въ лѣсу подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуки околѣю
Гдѣ нибудь въ карантинѣ.

**

Долго ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой разъѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
Надосугѣ помышлять!

То ли дѣло рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То ли дѣло, братцы, дома!...
Ну, пошелъ же, погоняй!...

XVIII.

КАЛМЫЧКѢ.

Прощай, любезная Калмычка!
Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза конечно узки,
И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ,
По-англійски предъ самоваромъ
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,

Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь: Ma dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мнѣ запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забышься праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

XIX.

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставишъ мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.

Но въ день печали, въ тишинѣ,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я.

XX.

(При посылкѣ бронзоваго Сфинкса.)

Кто на снѣгахъ возрастилъ Ѳеокритовы нѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а родомъ Германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши!

XXI.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

1830.

I.

(19 Января.)

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лиръ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

II.

КЪ ВЕЛЬМОЖѢ.

(Москва.)

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣетъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я; увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.

Ты понялъ жизни цѣль: щастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ;
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодый увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней — и Циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтренымъ Двором окружена.
Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;

Ученье дѣлалось навремя твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То чтитель Промысла, то Скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной аѳею иль деисту,
Какъ любопытный Скиѳъ Аѳинскому Софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилѣжно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь напискъ пламенный, а тамъ оппоръ суровой,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.
Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
Онъ сталъ расказывать о ножкахъ, о глазахъ,

О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно,
Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,
Какъ пылкій, отрока восторговъ полный, сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядятъ и, не страшась ревниваго Испанца,
Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ...
О, разскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащёмъ.

Все измѣнилося. Ты видѣлъ вихорь бури,
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,

Подъ гильотиною Версаль и Тріанонъ,
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
Превратности судебъ разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донынѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
Энциклопедіи скептическій причётъ,
И колкій Бомарше, и твой безносый Касти,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, былое истребя.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ собирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.

Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ А*** и прелесть ***.
Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.

Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи Римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ

Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о приставши и вновь пуститься въ путь.

III.

ПОЭТУ.

Поэтъ! не дорожи любовію народной.
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной:
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнишь умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

IV.

ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ;
О, кто бы ни былъ ты: старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, музами таинственно хранимъ,
Иль пола крошкаго стыдливый херувимъ,
Благодарю тебя душею умиленной.
Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ—
И странѣнъ мнѣ его привѣтливый языкъ.

Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылой,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой —
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца незанное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
«Тѣмъ лучше,» говорятъ любители искуствъ:
«Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
«И намъ ихъ передастъ.» Но щастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолствуетъ оно...

— — — — — — — — — —

V.

Here's a health to thee, Mary.

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ безъ гостей
Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой Пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.

Будь же щастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливыхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери.

VI.

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(Улица. Накрытый столъ. Нѣсколько пирующихъ мущинъ и женщинъ.)

Молодой человѣкъ.

Почтенный предсѣдатель! я напомню
О человѣкѣ, очень намъ знакомомъ,
О томъ, чьи шутки, повѣсти смѣшныя,
Отвѣты острые и замѣчанья,
Столь ѣдкія въ ихъ важности забавной,
Застольную бесѣду оживляли
И разгоняли мракъ, который нынѣ
Зараза, гостья наша, насылаетъ

На самые блестящіе умы.
Тому два дня, нашъ общій хохотъ славилъ
Его расказы; не возможно быть,
Чтобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
Забыли Джаксона! Его здѣсь кресла
Стоятъ пустыя, будто ожидая
Весельчака — но онъ ушелъ уже
Въ холодныя, подземныя жилища...
Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
Не умолкалъ еще во прахѣ гроба;
Но много насъ еще живыхъ, и намъ
Причины нѣтъ печалиться. И такъ
Я предлагаю выпить въ его память
Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
Какъ будто бъ былъ онъ живъ.

Председатель.

Онъ выбылъ первый
Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
Мы выпьемъ въ честь его.

Молодой человѣкъ.

Да будетъ такъ!

(Всѣ пьютъ молча.)

Предсѣдатель.

Твой голосъ, милая, выводишъ звуки
Родимыхъ пѣсень съ дикимъ совершенствомъ;
Спой, Мери, намъ, уныло и протяжно,
Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились
Безумнѣе, какъ тотъ, кто отъ земли
Былъ отлученъ какимъ нибудь видѣньемъ.

Мери *(поетъ.)*

Было время, процвѣтала
Въ мирѣ наша сторона:
Въ воскресеніе бывала
Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свѣтломъ полѣ
Серпъ и быстрая коса.

Нынѣ церковь опустѣла;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрѣла;
Роща темная пуста;
И селенье, какъ жилище
Погорѣлое, стоитъ;
Тихо все — одно кладбище
Не пустѣетъ, не молчитъ:

Поминутно мертвыхъ носятъ,
И стенанія живыхъ
Боязливо Бога просятъ
Упокоить души ихъ!
Поминутно мѣста надо,
И могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсной чередой!

Если ранняя могила
Суждена моей веснѣ;

Ты, кого я такъ любила,
Чья любовь отрада мнѣ,
Я молю: не приближайся
Къ тѣлу Дженни ты своей;
Устъ умершихъ не касайся;
Слѣдуй издали за ней.

И потомъ оставь селенье!
Уходи куда нибудь,
Гдѣ бъ ты могъ души мученье
Усладить и отдохнуть.
И когда зараза минетъ,
Посѣти мой бѣдный прахъ;
А Эдмонда не покинетъ
Дженни даже въ небесахъ!

Предсѣдатель.

Благодаримъ, задумчивая Мери,
Благодаримъ за жалобную пѣсню!

Въ дни прежніе чума такая жъ, видно,
Холмы и долы ваши посѣтила,
И раздавались жалкія стенанья
По берегамъ потоковъ и ручьевъ,
Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
Сквозь дикій рай твоей земли родной;
И мрачный годъ, въ который пало столько
Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ,
Едва оставилъ память о себѣ
Въ какой нибудь простой пастушьей пѣснѣ,
Унылой и пріятной... Нѣтъ! ничто
Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ!

Мери.

О, если бъ никогда я не пѣвала
Внѣ хижины родителей своихъ!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себѣ я, кажется, внимаю
Поющей у родимаго порога —

**

Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
Былъ голосомъ невинности...

Луиза.

Не въ модѣ
Теперь такія пѣсни! Но все жъ есть
Еще простыя души: рады таять
Отъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.
Она увѣрена, что взоръ слезливый
Ея неотразимъ — а если бъ тоже
О смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно
Все бъ улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вотъ
Она и разстоналась. Ненавижу
Волосъ Шотландскихъ этихъ желтизну.

Предсѣдатель.

Послушайте: я слышу стукъ колесъ!

(Ѣдетъ телега, наполненная мертвыми тѣлами. Негръ управляетъ ею.)

Ага! Луизѣ дурно; въ ней, я думалъ,
По языку судя, мужское сердце.

Но такъ-то: нѣжнаго слабѣй жестокой,
И страхъ живетъ въ душѣ, страстьми томимой!
Брось, Мери, ей воды въ лице. Ей лучше.

Мери.

Сестра моей печали и позора,
Прилягъ на грудь мою.

Луиза (приходя въ чувство.)

Ужасный демонъ
Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый...
Онъ звалъ меня въ свою тележку. Въ ней
Лежали мертвые — и лепетали
Ужасную, невѣдомую рѣчь...
Скажите мнѣ: во снѣ ли это было?
Проѣхала ль телега?

Молодой человѣкъ.

Ну, Луиза,
Развеселись: хоть улица вся наша
Безмолвное убѣжище отъ смерти,
Пріютъ пировъ ничѣмъ невозмутимыхъ,
Но знаешь? эта черная телега

Имѣетъ право всюду разъѣзжать —
Мы пропускать ее должны! Послушай
Ты, Вальсингамъ: для пресѣченья споровъ
И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой
Намъ пѣсню — вольную, живую пѣсню —
Не грустію Шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую пѣснь,
Рожденную за чашею кипящей.

Предсѣдатель.

Такой не знаю — но спою вамъ гимнъ
Я въ честь чумы: я написалъ его
Прошедшей ночью, какъ разстались мы.
Мнѣ странная нашла охота къ рифмамъ
Впервые въ жизни! Слушайте жъ меня:
Охрыплый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

Многіе.

Гимнъ въ честь чумы! послушаемъ его!
Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

Предсѣдатель *(поетъ.)*

Когда могущая зима,
Какъ бодрый вождь, ведетъ сама
На насъ космашыя дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
Навстрѣчу ей трещатъ камины,
И веселъ зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, Чума
Теперь идетъ на насъ сама
И льстится жатвою богатой;
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучитъ могильною лопатой...
Чшо дѣлать намъ? и чѣмъ помочь?

Какъ отъ проказницы зимы,
Запремся также отъ Чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы;
Утопимъ весело умы

И, заварив пиры да балы,
Возславимъ царствіе Чумы.

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тмы,
И въ Аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи Чумы.

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И щастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

И такъ — хвала тебѣ, Чума!
Намъ не страшна могилы тма,
Насъ не смутитъ твое призванье!

Бокалы пѣнимъ дружно мы,
И Дѣвы-Розы пьемъ дыханье —
Быть можетъ — — полное Чумы!

(Входитъ старый священникъ.)

Священникъ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!
Вы пиршествомъ и пѣснями разврата
Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
Повсюду смертію распространенной!
Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищѣ,
А ваши ненавистные восторги
Смущаютъ тишину гробовъ — и землю
Надъ мертвыми тѣлами потрясаютъ!
Когда бы стариковъ и женъ моленья
Не освятили общей, смертной ямы —
Подумать могъ бы я, что нынче бѣсы
Погибшій духъ безбожника терзаютъ
И въ тму кромѣшную тащатъ со смѣхомъ.

Нѣсколько голосовъ.

Онъ мастерски объ адѣ говоритъ!
Ступай, старикъ! ступай своей дорогой!

Священникъ.

Я заклинаю васъ святою кровью
Спасителя, распятаго за насъ:
Прервите пиръ чудовищный, когда
Желаете вы встрѣтить въ небесахъ
Утраченныхъ возлюбленныя души —
Ступайте по своимъ домамъ!

Предсѣдатель.

Дома
У насъ печальны — юность любитъ радость.

Священникъ.

Ты ль это, Вальсингамъ? ты ль самый тотъ,
Кто три тому недѣли, на колѣнахъ,
Трупъ матери, рыдая, обнималъ
И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачетъ,
Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,

Взирая на пирующаго сына
Въ пиру разврата, слыша голосъ твой,
Поющій бѣшеныя пѣсни между
Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій?
Ступай за мной!

Предсѣдатель.

Зачѣмъ приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не долженъ
Я за тобой итти: я здѣсь удержанъ
Отчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ,
Сознаньемъ беззаконья моего,
И ужасомъ той мертвой пустоты,
Которую въ моемъ дому встрѣчаю —
И новостью сихъ бѣшеныхъ веселій,
И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
И ласками (прости меня Господь)
Погибшаго, но милаго созданья...
Тѣнь матери не вызоветъ меня
Отселѣ — поздно — слышу голосъ твой,
Меня зовущій — признаю усилья

Меня спасти... старикъ! иди же съ миромъ;
Но проклятъ будь, кто за тобой пойдетъ!

Многіе.

Bravo, bravo! достойный предсѣдатель!
Вотъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ!

Священникъ.

Матильды чистый духъ тебя зоветъ!

Предсѣдатель *(встаетъ.)*

Клянись же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
Увядшей, блѣдною рукой, оставить
Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
О, если бъ отъ очей ея безсмертныхъ
Скрыть это зрѣлище! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
И знала рай въ объятіяхъ моихъ...
Гдѣ я? Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
Не досягнетъ уже...

Женскій голосъ.

Онъ сумасшедшій:

Онъ бредитъ о женѣ похороненной!

Священникъ.

Пойдемъ, пойдемъ...

Предсѣдатель.

Отецъ мой, ради Бога,

Оставь меня!

Священникъ.

Спаси тебя Господь!

Прости, мой сынъ. *(Уходитъ. Пиръ продолжается. Предсѣдатель остается, погруженный въ глубокую задумчивость.)*

VII.

СОНЕТЪ.

Scorn not the sonnet critic.

WORDSWORTH.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камоэнсъ облекалъ.

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избралъ,
Когда вдали отъ суетнаго свѣта
Природы онъ рисуетъ идеалъ.

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной
Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненной
Свои мечты мгновенно заключалъ.

У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

VIII.

БѢСЫ.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динъ-динъ-динъ...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

Эй, пошёлъ, ямщикъ!... «Нѣтъ мочи:
« Конямъ, баринъ, тяжело;
« Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
« Всѣ дороги занесло;
« Хоть убей, слѣда не видно;
« Сбились мы. Что дѣлать намъ!
« Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
« Да кружитъ по сторонамъ.

« Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
« Дуетъ, плюетъ на меня;
« Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
« Одичалаго коня;
« Тамъ верстою небывалой
« Онъ торчалъ передо мной;
« Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
« И пропалъ во тмѣ пустой. »

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали... — Что намъ въ полѣ? —
«Кто ихъ знаетъ? пень иль волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ;
Лишь глаза во мглѣ горятъ;
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динъ-динъ-динъ...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна,
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

**

IX.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
Дѣва печально сидитъ, праздный держа черепокъ.
Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой;
Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.

X.

ОТРОКЪ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ Царямъ.

XI.

РИФМА.

Эхо, безсонная Нимфа, скиталась по брегу Пенея.
Фебъ, увидѣвъ ее, страстію къ ней воспылалъ.
Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;
Межъ говорливыхъ Наядъ, мучась, она родила
Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.
Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь-аонидъ,
Матери чушкой подобна, послушна памяти строгой,
Музамъ мила; на землѣ Рифмой зовется она.

XII.

НА ПЕРЕВОДЪ ИЛІАДЫ.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

XIII.

ТРУДЪ.

Мигъ вожделѣнный насталъ: оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?

Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,

Друга Авроры златой, друга Пенатовъ святыхъ?

XIV.

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

СЦЕНА I.

(Комната.)

САЛЬЕРИ.

Всѣ говорятъ: нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ — и выше. Для меня
Такъ это ясно, какъ простая гамма.
Родился я съ любовію къ искусству;
Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался — слезы

Невольныя и сладкія текли.
Отвергъ я рано праздныя забавы;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Постылы мнѣ; упрямо и надменно
Отъ нихъ отрекся я и предался
Одной музыкѣ. Труденъ первый шагъ
И скученъ первый путь. Преодолѣлъ
Я раннія невзгоды. Ремесло
Поставилъ я подножіемъ искусству;
Я сдѣлался ремесленникъ: перстамъ
Придалъ послушную, сухую бѣглость
И вѣрность уху. Звуки умертвивъ,
Музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрилъ
Я алгеброй гармонію. Тогда
Уже дерзнулъ, въ наукѣ искушенный,
Предаться нѣгѣ творческой мечты.
Я сталъ творить, но въ тишинѣ, но втайнѣ,
Не смѣя помышлять еще о славѣ.
Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
Два, три дня, позабывъ и сонъ и пищу,

Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали.
Что говорю? Когда великій Глюкъ
Явился и открылъ намъ новы тайны
(Глубокія, плѣнительныя тайны),
Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,
И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ
Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался
И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?
Усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ
Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
Достигнулъ степени высокой. Слава
Мнѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей
Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.
Я щастливъ былъ: я наслаждался мирно
Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также
Трудами и успѣхами друзей,

Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ,
О, никогда! — нижѐ, когда Пиччини
Плѣнитъ умѣлъ слухъ дикихъ Парижанъ,
Нижѐ, когда услышалъ въ первый разъ
Я Ифигеніи начальны звуки.
Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
Когда нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
Песокъ и пыль грызущею безсильно?
Никто!... А нынѣ — самъ скажу — я нынѣ
Завистникъ. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!
Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній — не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ —
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?... О Моцартъ, Моцартъ!

(Входитъ Моцартъ.)

Моцартъ.

Ага! увидѣлъ ты! а мнѣ хотѣлось
Тебя нежданой шуткой угостить.

Сальери.

Ты здѣсь! — Давно ль?

Моцартъ.

Сей часъ. Я шелъ къ тебѣ,
Несъ кое-что тебѣ я показать;
Но, проходя передъ шрактиромъ, вдругъ
Услышалъ скрыпку... Нѣтъ, мой другъ, Сальери!
Смѣшнѣе отроду ты ничего
Не слыхивалъ... Слѣпой скрыпачъ въ трактирѣ
Разыгрывалъ voi che sapete. Чудо!
Не вытерпѣлъ, привелъ я скрыпача,
Чтобъ угостить тебя его искуствомъ.
Войди!

(Входитъ слѣпой старикъ со скрыпкой.)

Изъ Моцарта намъ что нибудь!

(Старикъ играетъ арію изъ Донъ-Жуана; Моцартъ хохочетъ.)

Сальери.

И ты смѣяться можешь?

Моцартъ.

Ахъ, Сальери!
Уже ль и самъ ты не смѣешься?

Сальери.

Нѣтъ,
Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадону Рафаэля,
Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алигьери.
Пошёлъ, старикъ.

Моцартъ.

Постой же: вотъ тебѣ,
Пей за мое здоровье.

(Старикъ уходитъ.)

Ты, Сальери,
Не вдухѣ нынѣче. Я приду къ тебѣ
Въ другое время.

Сальери.

Что ты мнѣ принесъ?

Моцартъ.

Нѣтъ — такъ, бездѣлицу. Намедни ночью
Безсонница моя меня томила,
И въ голову пришли мнѣ двѣ, три мысли.
Сегодня ихъ я набросалъ. Хотѣлось
Твое мнѣ слышать мнѣнье; но теперь
Тебѣ не до меня.

Сальери.

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!
Когда же мнѣ не до тебя? Садись;
Я слушаю.

Моцартъ *(за фортепіано.)*

Представь себѣ... кого бы?
Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленнаго — не слишкомъ, а слегка —
Съ красоткой, или съ другомъ—хоть съ тобой—
Я веселъ... Вдругъ: видѣнье гробовое,
Незапный мракъ иль что нибудь такое...

Ну, слушай же.

(Играетъ.)

Сальери.

Ты съ этимъ шелъ ко мнѣ

И могъ остановиться у трактира

И слушать скрыпача слѣпаго! — Боже!

Ты, Моцартъ, недостоинъ самъ себя.

Моцартъ.

Что жъ, хорошо?

Сальери.

Какая глубина!

Какая смѣлость и какая стройность!

Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;

Я знаю, я.

Моцартъ.

Ба! право? можетъ быть...

Но божество мое проголодалось.

Сальери.

Послушай: отобѣдаемъ мы вмѣстѣ

Въ трактирѣ Золотаго Льва.

Моцартъ.

Пожалуй;

Я радъ. Но дай, схожу домой, сказать
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дожидалась.

(Уходитъ.)

Сальери.

Жду тебя; смотри жъ.

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобъ его
Остановить — не то, мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой...
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ;
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,

Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсень райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Вотъ ядъ, послѣдній даръ моей Изоры.
Осьмнадцать лѣтъ ношу его съ собою —
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
Несносной раной, и сидѣлъ я часто
Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
И никогда на шепотъ искушенья
Не преклонился я, хоть я не трусъ,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Все медлилъ я.
Какъ жажда смерти мучила меня;
Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь
Мнѣ принесетъ незапные дары;
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть можетъ, новый Гайденъ сотворитъ

Великое — и наслажуся имъ...
Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавистнымъ;
Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной грянетъ высоты —
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ! и наконецъ нашелъ
Я моего врага, и новый Гайденъ
Меня восторгомъ дивно упоилъ!
Теперь — пора! Завѣтный даръ любви,
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

**

СЦЕНА II.

(Особая комната въ трактирѣ; фортепіано.)

Моцартъ и Сальери *(за столомъ.)*

Сальери.

Что ты сегодня пасмуренъ?

Моцартъ.

Я? Нѣтъ!

Сальери.

Ты вѣрно, Моцартъ, чѣмъ нибудь разстроенъ?
Обѣдъ хорошій, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.

Моцартъ.

Признаться,
Мой Requiem меня тревожитъ.

Сальери.

А!
Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

Моцартъ.

Давно, недѣли три. Но странный случай...
Не сказывалъ тебѣ я?

Сальери.

Нѣтъ.

Моцартъ.

Такъ слушай:
Недѣли три тому, пришелъ я поздно
Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
За мною кто-то. Отъ чего — не знаю,
Всю ночь я думалъ: кто бы это былъ?
И что ему во мнѣ? Назавтра тотъ же
Зашелъ и не засталъ опять меня.
На третій день игралъ я на полу
Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,
Учтиво поклонившись, заказалъ
Мнѣ Requiem и скрылся. Сѣлъ я тотчасъ
И сталъ писать — и съ той поры за мною
Не приходилъ мой черный человѣкъ;

А я и радъ: мнѣ было бъ жаль разстаться
Съ моей работой, хоть совсѣмъ готовъ
Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я...

Сальери.

Что?

Моцартъ.

Мнѣ совѣстно признаться въ этомъ...

Сальери.

Въ чемъ же?

Моцартъ.

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
Мой черный человѣкъ. За мною всюду
Какъ тѣнь онъ гонится. Вотъ и теперь
Мнѣ кажется, онъ съ нами самтретей
Сидитъ.

Сальери.

И, полно! что за страхъ ребячій?
Разсѣй пустую думу. Бомарше
Говаривалъ мнѣ: « слушай, братъ Сальери,
Какъ мысли черныя къ тебѣ придутъ,

Откупори Шампанскаго бутылку,
Иль перечти женитьбу Фигаро. »

Моцартъ.

Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель;
Ты для него Тарара сочинилъ,
Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ...
Я все твержу его, когда я щастливъ...
Ла ла ла ла... Ахъ, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравилъ?

Сальери.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшонъ
Для ремесла такого.

Моцартъ.

Онъ же геній,
Какъ ты, да я. А геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

Сальери.

Ты думаешь?

(Бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта.)

Ну, пей же.

Моцартъ.

За твое
Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.

(Пьетъ.)

Сальери.

Постой,
Постой, постой!... Ты выпилъ!... безъ меня?

Моцартъ *(бросаетъ салфетку на столъ.)*

Довольно, сытъ я.

(Идетъ къ фортепіано.)

Слушай же, Сальери,
Мой Requiem. *(Играетъ.)*
Ты плачешь?

Сальери.

Эти слезы
Впервые лью: и больно и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ

Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
Еще наполнить звуками мнѣ душу...

Моцартъ.

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бъ не могъ
И міръ существовать; никто бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни;
Всѣ предались бы вольному искусству.
Насъ мало избранныхъ, щастливцевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ.
Не правда ль? Но я нынѣче нездоровъ,
Мнѣ что-то тяжело; пойду, засну.
Прощай же.

Сальери.

До свиданья.

(Одинъ.)

Ты заснешь
Надолго, Моцартъ! Но ужель онъ правъ,

И я не геній? Геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
А Бонароттн? Или это сказка
Тупой, безсмысленной толпы — и не былъ
Убійцею создатель Ватикана?

XV.

НОВОСЕЛЬЕ.

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ — а съ нимъ веселье,
Свободный трудъ и сладкій миръ.
Ты щастливъ: ты свой домикъ малой,
Обычай мудрости храня,
Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Застраховалъ, какъ отъ огня.

XVI.

ЦЫГАНЫ.

Надъ лѣсистыми брегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, щастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провождалъ сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.

Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.

XVII.

ОТВѢТЪ.

Я васъ узналъ, о мой оракулъ!
Не по узорной пестротѣ
Сихъ недописанныхъ каракулъ;
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ... столь неправымъ
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора! въ Москву! въ Москву сей часъ!

Здѣсь городъ чопорный, унылой,
Здѣсь рѣчи — ледъ, сердца — гранитъ;
Здѣсь нѣтъ ни вѣтрености милой,
Ни музъ, ни Пр..., ни харитъ.

XVIII.

МАДОНА.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

1831.

I.

Э Х О.

Ревешь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубишъ ли рогъ, гремишъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякой звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —

И шлешь отвѣтъ;

Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ

И ты, поэтъ!

II.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Неразъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...

Зачто жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы,
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
ОтъФинскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,

Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

III.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: « шли же племена,
« Бѣдой Россіи угрожая;
« Не вся ль Европа тутъ была?
« А чья звѣзда ее вела!...
« Но стали жъ мы пятою твёрдой,
« И грудью приняли напоръ
« Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
« И равенъ былъ неравный споръ.

« И что жъ? свой бѣдственный побѣгъ,
« Кичась, они забыли нынѣ;
« Забыли Русскій штыкъ и снѣгъ,
« Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
« Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь —
« Хмѣльна для нихъ Славяновъ кровь:
« Но тяжко будетъ имъ похмѣлье;
« Но дологъ будетъ сонъ гостей
« На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
« Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!

« Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
« Но знайте, прошеные гости!
« Ужъ Польша васъ не поведетъ:
« Черезъ ея шагнете кости!... »
Сбылось — и, въ день Бородина,

Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаешь стягъ кровавый —
И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ боренье падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры Русскаго пѣвца.

Но вы, мучители палатъ,
Легкоязычные витіи,
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?... Еще ли Россъ
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,

Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ Русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили ль Русскаго Владыку?
Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали —
Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали —
И Польши участь рѣшена...

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія! встань и возвышайся!
Греми, восторговъ общій гласъ!...
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ Онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы:
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, Герой,

Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младаго внука своего.

IV.

СКАЗКА

о Царѣ Салтанѣ, о сынѣ его славномъ и могучемъ богатырѣ Князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной Царевнѣ Лебеди.

Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говоритъ одна дѣвица,
То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ.
Кабы я была царица,
Говоритъ ея сестрица,

То на весь бы міръ одна
Наткала я полотна.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я бъ для батюшки-царя
Родила богатыря.

Только вымолвить успѣла,
Дверь тихонько заскрыпѣла,
И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
Здравствуй, красная дѣвица,
Говоритъ онъ, будь царица
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы жъ, голубушки-сестрицы,

Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая повариха.

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха —
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.

А царица молодая,
Обѣщанье выполняя,
Съ той же ночи понесла.

Въ тѣ-поры война была.
Царь Салтанъ, съ женой простился,
На добра-коня садяся,
Ей наказывалъ себя
Поберечь, его любя.
Между тѣмъ, какъ онъ далёко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинъ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ,
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ;
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотятъ,

Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другова
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:
« Родила царица въ ночь
« Не то сына, не то дочь;
« Не мышенка, не лягушку,
« А невѣдому звѣрюшку. »

Какъ услышалъ царь-отецъ,
Что донесъ ему гонецъ,
Въ гнѣвѣ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить;
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:
« Ждать царева возвращенья
« Для законнаго рѣшенья. »

Ѣдетъ съ грамотой гонецъ,
И пріѣхалъ наконецъ.
А ткачиха съ поварихой,

Съ сватьей бабой Бабарихой,
Обобрать его велять;
Допьяна гонца поять
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую—
И привезъ гонецъ хмѣльной
Въ тотъ же день приказъ такой:
«Царь велитъ своимъ боярамъ,
Времени не тратя даромъ,
И царицу и приплодъ
Тайно бросить въ бездну водъ.»
Дѣлать нечего: бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.
Объявили царску волю—
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслухъ указъ,
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,

Засмолили, покашили
И пустили въ Океанъ —
Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
Туча по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ.
Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица;
И растетъ ребенокъ шамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопитъ...
А дитя волну шоропитъ:
«Ты, волна моя, волна!
«Ты гульлива и вольна;
«Плещешь ты, куда захочешь,
«Ты морскіе камни шочишь,
«Топишь берегъ ты земли,
«Подымаешь корабли —

«Не губи ты нашу душу:
«Выплесни ты насъ на сушу!»
И послушалась волна:
Тутъ же на берегъ она
Бочку вынесла легонько,
И отхлынула тихонько.
Машь съ младенцемъ спасена;
Землю чувствуетъ она.
Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?
Богъ не ужъ-то ихъ покинетъ?
Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
Намъ продѣлать? молвилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Машь и сынъ теперь на волѣ;
Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ;
Море синее кругомъ,

Дубъ зеленый надъ холмомъ.
Сынъ подумалъ: добрый ужинъ
Былъ бы намъ однако нуженъ.
Ломитъ онъ у дуба сукъ
И въ тугой сгибаетъ лукъ,
Со креста снурокъ шелковой
Натянулъ на лукъ дубовой,
Тонку тросточку сломилъ
Стрѣлкой легкой завострилъ,
И пошелъ на край долины
У моря искать дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ,
Вотъ и слышитъ будто стонъ...
Видно на морѣ не тихо;
Смотритъ — видитъ дѣло лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней;
Та бѣдняжка такъ и плещетъ,
Воду вкругъ мутитъ и хлещетъ...

Тотъ ужъ когти разпустилъ,
Клевъ кровавый навострилъ...
Но какъ разъ стрѣла запѣла,
Въ шею коршуна задѣла —
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;
Смотритъ: коршунъ въ морѣ тонетъ
И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
Лебедь около плыветъ,
Злаго коршуна клюетъ,
Гибель близкую торопитъ,
Бьетъ крыломъ и въ море топитъ —
И царевичу потомъ
Молвитъ Русскимъ языкомъ:
Ты, царевичъ, мой спасишель,
Мой могучій избавитель,
Не тужи, что за меня
Ѣсть не будешь ты три дня,
Что стрѣла пропала въ морѣ;
Это горе — все не горе.

Отплачу тебѣ добромъ,
Сослужу тебѣ потомъ:
Ты не лебедь вѣдь избавилъ,
Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
Ты не коршуна убилъ,
Чародѣя подстрѣлилъ.
Ввѣкъ тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись.

Улетѣла лебедь-птица,
А царевичъ и царица,
Цѣлый день проведши такъ,
Лечь рѣшились натощакъ.
Вотъ открылъ царевичъ очи;
Отрясая грѣзы ночи
И дивясь, передъ собой
Видитъ городъ онъ большой,
Стѣны съ частыми зубцами

И за бѣлыми стѣнами
Блещутъ маковки церквей
И святыхъ монастырей.
Онъ скорѣй царицу будитъ;
Та какъ ахнетъ!... То ли будетъ?
Говоритъ онъ, вижу я:
Лебедь тѣшится моя.
Мать и сынъ идутъ ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвонъ
Поднялся со всѣхъ сторонъ:
Къ нимъ народъ навстрѣчу валитъ,
Хоръ церковный Бога хвалитъ;
Въ колымагахъ золотыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
Всѣ ихъ громко величаютъ
И царевича вѣнчаютъ
Княжей шапкой, и главой
Возглашаютъ надъ собой:
И среди своей столицы,

Съ разрѣшенія царицы,
Въ тотъ же день сталъ княжить онъ
И нарекся: князь Гвидонъ.

Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
И кораблику подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На кораблике шолпятся,
На знакомомъ острову
Чудо видятъ наяву:
Городъ новый златоглавой,
Пристань съ крѣпкою заставой —
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,
Ихъ онъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:

Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь намъ вышелъ срокъ,
Ѣдемъ прямо на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана...
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по океану
Къ славному царю Салтану;
Отъ меня ему поклонъ.
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провожаетъ бѣгъ ихъ дальной;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плывётъ.

Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?
Говоритъ она ему.
Князь печально отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
Одолѣла молодца:
Видѣть я бъ хотѣлъ отца.
Лебедь князю: вотъ въ чемъ горе!
Ну, послушай: хочешь въ море
Полетѣть за кораблёмъ?
Будь же, князь, ты комаромъ.
И крылами замахала,
Воду съ шумомъ расплескала,
И обрызгала его
Съ головы до ногъ всего.
Тутъ онъ въ точку уменшился,
Комаромъ оборотился,
Полетѣлъ и запищалъ,
Судно на морѣ догналъ,

Потихонько опустился
На корабль — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Къ царству славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости —
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ

И въ глаза ему глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Въ морѣ острова былъ крутой,
Не привольный, не жилой;
Онъ лежалъ пустой равниной;
Росъ на немъ дубокъ единой;
А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцемъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;

Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду;
Молвитъ онъ: коль живъ я буду,
Чудной островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А шкачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудной островъ навѣстить.
«Ужъ диковинка, ну право,
Подмигнувъ другимъ лукаво,
Повариха говоритъ,
Городъ у моря стоитъ!
Знайте, вотъ что не бездѣлка:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Бѣлка пѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;

Вотъ что чудомъ-то зовутъ.
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ-то злится, злится —
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правой глазъ.
Повариха побѣднѣла,
Обмерла и окривѣла.
Слуги, сватья и сестра
Съ крикомъ ловятъ комара.
«Распрокляпая ты мошка!
Мы тебя!...» А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Снова князь у моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?

Опечалился чему?
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ;
Чудо чудное завесть
Мнѣ бъ хотѣлось. Гдѣ-то есть:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка;
Диво, право, не бездѣлка —
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Но, быть можетъ, люди врутъ.
Князю лебедь отвѣчаетъ:
«Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ;
«Это чудо знаю я;
«Полно, князь, душа моя,
«Не печалься; рада службу
«Оказать тебѣ я вдружбу.»

Съ ободренною душой
Князь пошелъ себѣ домой;
Лишь ступилъ на дворъ широкой —
Что жъ? подъ елкою высокой,
Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки равныя кладетъ,
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ, при всемъ народѣ:
Во саду ли, въ огородѣ.
Изумился князь Гвидонъ.
Ну, спасибо, молвилъ онъ,
Ай-да лебедь — дай ей Боже,
Что и мнѣ, веселье то же.
Князь для бѣлочки потомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приставилъ
И при томъ дьяка заставилъ

Строгій счетъ орѣхамъ весть.
Князю прибыль, бѣлкѣ честь.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И кораблику подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Приставаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,
Ихъ и кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали мы конями,

Все Донскими жеребцами,
А теперь намъ вышелъ срокъ —
И лежитъ намъ путь далёкъ:
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана...
Говоритъ имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по океану
Къ славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидонъ
Шлетъ царю-де свой поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь — а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Молитъ князь: душа-де просишъ,
Такъ и тянетъ и уносишъ....
Вотъ опять она его
Вмигъ обрызгала всего:

Въ муху князь оборотился,
Полетѣлъ и опустился
Между моря и небесъ
На корабль — и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана —
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна;
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.
А шкачиха съ Бабарихой,

Да съ кривою поварихой,
Около царя сидятъ,
Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости - господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо,
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами;
Ель растетъ передъ дворцёмъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живетъ ручная,

Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служатъ ей прислугой разной —
И приставленъ дьякъ приказной
Строгій счетъ орѣхамъ весть;
Отдаетъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету,
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя, да подспудъ;
Всѣ въ томъ островѣ богаты,
Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты;
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ,
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду.

Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
Усмѣхнувшись изподтиха,
Говоритъ царю ткачиха:
Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
Бѣлка камушки грызётъ,
Мечетъ золото, и въ груды
Загребаетъ изумруды;
Этимъ насъ не удивишь,
Правду ль, нѣтъ ли, говоришь.
Въ свѣтѣ есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ

И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ —
Съ ними дядька Черноморъ.
Это диво, такъ ужъ диво,
Можно молвить справедливо!
Гости умные молчатъ,
Спорить съ нею не хотятъ.
Диву царь Салтанъ дивится,
А Гвидонъ-то злится, злится....
Зажужжалъ онъ и какъ разъ
Тешкѣ сѣлъ на лѣвой глазъ,
И ткачиха поблѣднѣла:
Ай! и тушъ же окривѣла;
Всѣ кричатъ: лови, лови,
Да дави ее, дави....
Вотъ ужо! постой немножко,

Погоди. . . . А князь въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ!

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь: поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плывётъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ —
Диво бъ дивное хотѣлъ
Перенесть я въ мой удѣлъ.
«А какое-жъ это диво?»
— Гдѣ-то вздуется бурливо
Окіянъ, подымешъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,

Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ. —
Князю лебедь отвѣчаетъ:
Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти вишязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
Не печалься же, ступай,
Вгости братцевъ поджидай.

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Сталъ глядѣть онъ; море вдругъ

Всколыхалося вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ,
И оставило на брегѣ
Тридцать-три богатыря;
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Идутъ витязи четами,
И блистая сѣдинами
Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;
Второпяхъ народъ бѣжитъ;
Дядька князю говоритъ:
Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы отнынѣ ежеденно
Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
У высокихъ стѣнъ твоихъ

Выходить изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь пора намъ въ море;
Тяжекъ воздухъ намъ земли.
Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И кораблику подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На подняшыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,
Ихъ и кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете?
И куда теперь плывете?

Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы булатомъ,
Чистымъ серебромъ и златомъ,
И теперь намъ вышелъ срокъ;
А лежитъ намъ путь далёкъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Говоритъ имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по океану
Къ славному царю Салтану.
Да скажите-жъ: князь Гвидонъ
Шлетъ-де свой царю поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь намъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де проситъ...

Такъ и тянетъ, и уноситъ...
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,
Шмелемъ князь оборотился,
Полетѣлъ и зажужжалъ;
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.

Видитъ, весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ —
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,

Каждый день идетъ тамъ диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разплеснется въ скоромъ бѣгѣ —
И останутся на брегѣ
Тридцать-три богатыря,
Въ чешуѣ златой горя,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ наподборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходитъ
И попарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить —
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.

Царь Салтанъ дивится чуду,
Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу.
Повариха и шкачиха
Нигугу — но Бабариха
Усмѣхнувшись говоритъ:
Кто насъ этимъ удивитъ?
Люди изъ моря выходятъ
И себѣ дозоромъ бродятъ!
Правду ль баютъ или лгутъ,
Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія-ль дива?
Вотъ идетъ молва правдива:
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть:
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.

А сама-то величава,
Выплываетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвитъ можно справедливо,
Это диво, такъ ужъ диво.
Гости умные молчатъ:
Спорить съ бабой не хотятъ.
Чуду царь Салтанъ дивится —
А царевичъ хоть и злится,
Но жалѣетъ онъ очей
Старой бабушки своей:
Онъ надъ ней жужжитъ, кружится —
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь:
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
Помогите, ради Бога!
Караулъ! лови, лови,
Да дави его, дави....

Вотъ ужо! пожди немножко,
Погоди!... А шмель въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ:
Люди женятся; гляжу,
Неженатъ лишь я хожу.
«А кого же на примѣтѣ
Ты имѣешь?» — Да на свѣтѣ,
Говорятъ, царевна есть,

Что не можно глазъ ошвесть.
Днемъ свѣтъ Божій затмеваешъ,
Ночью землю освѣщаешъ —
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченька журчитъ.
Только, полно, правда ль это? —
Князь со страхомъ ждетъ ошвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И подумавъ говоритъ:
Да! такая есть дѣвица.
Но жена не рукавица:
Съ бѣлой ручки не стряхнешь,
Да за поясъ не заткнешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ —
Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путёмъ,

Не раскаяться бъ потомъ.
Князь предъ нею спалъ божишься,
Что пора ему женишься,
Что объ этомъ обо всемъ
Передумалъ онъ пупемъ;
Что готовъ душею страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ итти отсель,
Хоть за придевять земель.
Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
Молвила: зачѣмъ далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта — я.
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты
Опустилася въ кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ

А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой машушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умоляя:
Государыня-родная!
Выбралъ я жену себѣ,
Дочь послушную тебѣ.
Просимъ оба разрѣшенья,
Твоего благословенья:
Ты дѣтей благослови
Жить въ совѣтѣ и любви.
Надъ главою ихъ покорной
Машь съ иконой чудотворной
Слезы льешъ и говоритъ:

«Богъ васъ, дѣти, наградитъ.»
Князь не долго собирался,
На царевнѣ обвѣнчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И кораблику подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,
Онъ ихъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?

Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали мы недаромъ
Неуказаннымъ товаромъ;
А лежитъ намъ путь далёкъ:
Восвояси на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по океану
Къ славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
Къ намъ онъ вгости обѣщался,
А доселѣ не собрался —
Шлю ему я свой поклонъ.
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И знакомая страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости.
Гости видятъ: во дворцѣ
Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ,
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно-ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?

Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами;
Ель росшетъ передъ дворцомъ,
А надъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка въ немъ живетъ ручная,
Да чудесница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ;
А орѣшки не простые,
Скорлупы-то золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Бѣлку холятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво:
Море вздуется бурливо,

Закипитъ, подымет вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разплеснется въ скромъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ —
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А у князя женка есть,
Что не можно глазъ отвесть:
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
Всякъ его усердно славитъ;

Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
Да тебѣ пѣняетъ онъ:
Къ намъ-де въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.

Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
Снарядить онъ флотъ велѣлъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ царя пустить
Чудный островъ навѣстить.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И какъ разъ ихъ унимаетъ:
«Что я? царь или дитя?»
Говоритъ онъ не шутя:
«Нынѣче-жъ ѣду!» — Тутъ онъ топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
Молча на море глядитъ:

Не шумитъ оно, не хлещетъ,
Лишь едва, едва трепещетъ,
И въ лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинамъ океана
Ѣдетъ флотъ царя Салтана.
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Ѣдетъ батюшка сюда.»
Флотъ ужъ къ острову подходитъ.
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоитъ,
И въ трубу на нихъ глядитъ;
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются онѣ
Незнакомой сторонѣ.

Разомъ пушки запалили ;
Въ колокольняхъ зазвонили ;
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ ;
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой ,
Съ сватьей бабой Бабарихой ;
Въ городъ онъ повелъ царя ,
Ничего не говоря.

Всѣ теперь идутъ въ палаты :
У воротъ блистаютъ латы ,
И стоятъ въ глазахъ царя
Тридцать-три богатыря ,
Всѣ красавцы молодые ,
Великаны удалые ,
Всѣ равны какъ на подборъ ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Царь ступилъ на дворъ широкой :
Тамъ подъ елкою высокой
Бѣлка пѣсенку поетъ ,

Золотой орѣхъ грызетъ,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшечекъ опускаетъ;
И засѣянъ дворъ большой
Золотою скорлупой.
Гости далѣ — торопливо
Смотрятъ — что жъ? княгиня — диво:
Подъ косой луна блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава,
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядитъ — и узнаетъ....
Въ немъ взыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Какъ!» и духъ въ немъ занялся...
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сынка и молодицу,
И садятся всѣ за столъ;

И веселый пиръ пошёлъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашли насилу тамъ.
Тутъ во всемъ онѣ признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
День прошелъ — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ —
И усы лишь обмочилъ.

РАЗНЫХЪ ГОДОВЪ.

РАЗНЫХЪ ТОЛКОВЪ.

I.

УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ,

Клюетъ, и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ
И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!

« Мы вольныя пшицы; пора, братъ, пора!
« Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
« Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
« Туда, гдѣ гуляемъ лишь вѣтеръ... да я!... »

II.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

(Михайловское, 1824.)

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуешъ:
Они жрецы единыхъ музъ;
Единый пламень ихъ волнуешъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я тебѣ.
Давно бъ на Дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой

И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бъ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ щастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ непогода;
Уснувъ, незнаю, гдѣ проснусь.
Теперь одинъ, въ глухомъ изгнаньѣ,
Влачу томительные дни.
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани.
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, Царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой Арапъ,
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
И Дворъ и пышные обѣты,

Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя.

III.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша вешхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, ушомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего верешена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юносши моей,
Выпьемъ сгоря; гдѣ же кружка?
Сердцу будешъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ сгоря; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

IV.

19 ОКТЯБРЯ, 1827.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, Царской службы,
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

V.

(26 *Маія*, 1828.)

Даръ напрасный, даръ случайной,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

**

VI.

(1828.)

Tel j'etais autrefois et tel je suis encor.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, разкинутыхъ Кипридой:
А неисправленный стократною обидой,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы...

VII.

АНЧАРЪ *.

(1828.)

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила.

* Древо яда.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ: лишь вихорь чёрный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь уже шлетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій;
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу
Да вѣтвь съ увядшими листами,
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

Принесъ — и ослабѣлъ и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А князь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдамъ въ чуждые предѣлы.

VIII.

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.
Хоть я грустно очарованъ
Вашей дѣвственной красой,
Хоть вампиромъ именованъ
Я въ губерніи (* * *; Тверской;
Но колѣнъ моихъ предъ вами
Преклонить я не посмѣлъ
И влюбленными мольбами
Васъ тревожить не хотѣлъ.
Упиваясь непріятно

Хмелемъ свѣтской суеты,
Позабуду, вѣроятно,
Ваши милыя черты,
Легкій станъ, движеній стройность,
Осторожный разговоръ,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.
Если жъ нѣтъ... по прежню слѣду
Въ ваши мирные края
Черезъ годъ опять заѣду
И влюблюсь до Ноября.

IX.

СОБРАНІЕ НАСѢКОМЫХЪ.

Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки.
Крыловъ.

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ:
Ну, что за пестрая семья!
За ними гдѣ не рылся я!
За то, какая сортировка!
Вотъ * * * Божія коровка,
Вотъ * * * злой паукъ,
Вотъ и * * * Россійскій жукъ,
Вотъ * * * черная мурашка,
Вотъ * * * мелкая букашка.

Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
Они, пронзенныя насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

X.

ПРИМѢТЫ.

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой.

Я ѣхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Стран.

1829. I. Кавказъ ..... 7.
II. Обвалъ ..... 9.
III. Монастырь на Казбекѣ ..... 12.
IV. Делибашъ ..... 13.
V. (На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла). *Отрывокъ* ..... 15.
VI. (Не плѣняйся бранной славой). *Изъ Гафиза* ..... 16.
VII. Донъ ..... 17.
VIII. Олеговъ Щитъ ..... 19.
IX. (Поѣдемъ, я готовъ). *Элегическій отрывокъ* ..... 21.
X. (Когда твои младыя лѣта) ..... 22.
XI. (Я васъ любилъ) ..... 24.
XII. (Зима. Чшо дѣлать намъ въ деревнѣ). 25.
XIII. Зимнее утро ..... 28.
XIV. (Щастливъ шы въ прелестныхъ) .... 31.
XV. Литературное извѣстіе) ..... 32.
XVI. (Какъ сатирой безымянной). *Эпиграмма* ..... 33.
XVII. Дорожныя жалобы ..... 34.
XVIII. Калмычкѣ ..... 37.
XIX. (Что въ имени тебѣ моемъ). *Въ альбомъ* ..... 39.
XX. (Кто на снѣгахъ возрастилъ). *Загадка* 41.
XXI. (Брожу ли я вдоль улицъ). *Станцы* .. 42.
1830. I. (Въ часы забавъ иль праздной скуки). *Станцы* ..... 47.
II. Къ Вельможѣ ..... 49.
III. Поэту. *Сонетъ* ..... 56.
IV. Отвѣтъ анониму ..... 58.
V. (Пью за здравіе Мери). *Пѣсня* ..... 60.

Стран.

VI. Пиръ во время чумы. *Изъ Вильсоновой трагедіи: The city of the plague*.....62.
VII. Сонетъ. *Сонетъ*. .....78.
VIII. Бѣсы.....80.
IX. Царскосельская статуя.....84.
X. Отрокъ.....85.
XI. Рифма .....86.
XII. На переводъ Иліады.....87.
XIII. Трудъ .....88.
XIV. Моцартъ и Сальери .....89.
XV. Новоселье .....107.
XVI. Цыганы. *Съ Англійскаго*.....108.
XVII. Отвѣтъ.....110.
XVIII. Мадона. *Сонетъ* .....112.
1831. I. Эхо.....117.
II. Клеветникамъ Россіи.....119.
III. Бородинская годовщина.....123.
IV. Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди.....130.

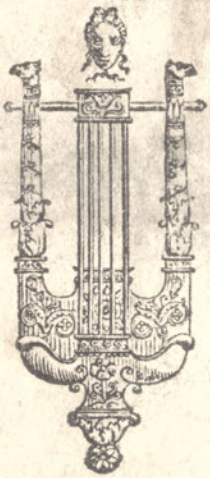
Разныхъ годовъ:

I. Узникъ .....185.
II. Къ Языкову. *Отрывокъ изъ посланія*. 187.
III. Зимній вечеръ.....190.
IV. 19 Октября, 1827.....193.
V. (Даръ напрасный).....194.
VI. (Каковъ я прежде былъ). *Отрывокъ изъ Андрея Шенье*.....196.
VII. Анчаръ.....197.
VIII. (Подъѣзжая подъ Ижоры).....201.
IX. Собраніе насѣкомыхъ.....203.
X. Примѣты.....205.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Поправка:

Въ *Сказкѣ о царѣ Салтанѣ* и проч. вмѣсто слова *Окіянъ* ошибкою вездѣ напечатано *Океанъ*.

Третья Часть Стихотвореній Александра Пушкина продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 10 руб. экземпл.; а за пересылку прилагается 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Четвертая Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1835.

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Часть четвертая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ при экземпляра.

С. Петербургъ, 29 Апрѣля 1855 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ГУСАРЪ.

(1833).

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Гусаръ ..... 3.
Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ ..... 13.
Будрысъ и его сыновья ..... 45.
Воевода ..... 51.
Красавица. (Въ Альбомъ Г****) ..... 57.
Сказка о золотомъ пѣтушкѣ ..... 61.
Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ ..... 75.
Разговоръ книгопродавца съ Поэтомъ ..... 89.
Подражанія древнимъ ..... 101.
Элегія ..... 104.
Предисловіе къ пѣснямъ Западныхъ Славянъ ..... 105.

Пѣсни Западныхъ Славянъ

1. Видѣніе Короля ..... 115.
2. Янко Марнавичъ ..... 121.
3. Битва у Зенницы-великой ..... 125.
4. Осодоръ и Елена ..... 128.
5. Влахъ въ Венеціи ..... 134.
6. Гайдукъ Хризичъ ..... 137.
7. Похоронная пѣсня, Іакинфа Магдановича ..... 140.
8. Марко Якубовичъ ..... 143.
9. Бонапартъ и Черногорцы ..... 149.
10. Соловей ..... 153.
11. Пѣсня о Георгіѣ Черномъ ..... 155.
12. Воевода Милошъ ..... 158.
13. Вурдалакъ ..... 160.
14. Сестра и братья ..... 162.
15. Янышъ Королевичъ ..... 169.
16. Конь ..... 175.

Примѣчанія къ пѣснямъ Западныхъ Славянъ ..... 177.

ГУСАРЪ.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
«Занесъ-же вражій духъ меня
На распрокляτую кварτиру!«

Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на Турецкой перестрѣлкѣ,
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

*

Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой. . . .
Не бось, не выманишь за дверь
Ея ни честью, ни нагайкой.

То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валяшся сами въ ротъ голушки,
Виномъ хоть пару поддавай,
А молодицы — молодушки!

Ей ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки *чернобривой.*
Однимъ, однимъ не хороши. . . .»
— А чѣмъ же? разскажи, служивой.

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днѣпра
Споялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

Вошъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью — Марусинька моя
Словечка не промолвитъ грубо;

Напьюсь — уложитъ, и сама
Опохмѣлится приготовитъ;
Мигну бывало: Эй, кума! —
Кума ни въ чемъ не прекословитъ.

Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? врагъ попуталъ видно.

За чѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ! Кто проситъ?
Шалитъ Марусинька моя;
Куда ее лукавый носитъ?

Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря)

И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
Тамъ съ полки скляночку взяла,
И сѣвъ на вѣшикъ передъ печкой,

Раздѣлась донага; потомъ
Изъ склянки три раза хлѣбнула,
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.

Эге! смекнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!...
И съ печки слѣзъ — и вижу: склянка.

Понюхалъ: кисло! что за дрянь!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лахань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

Гляжу: подъ лавкой дремлетъ кошъ;
И на него я брызнулъ склянкой —
Какъ фыркнетъ онъ! я: брысь!.... И вошъ
И онъ туда же за лаханкой.

Я ну крошить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужь ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ! маршъ! все въ печку поскакало.

Кой чоршъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю склянку выпилъ; вѣрь не вѣрь —
Но къ верху вдругъ взвился я пухомъ.

Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!... и на земь упадаю.

Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

Я плюнулъ и сказать хотѣлъ. . . .
И вдругъ бѣжитъ моя Маруся :
Домой ! Кто звалъ тебя, пострѣлъ ?
Тебя съѣдятъ ! Но я, не струся :

Домой? да! чорта съ два! почемъ
Мнѣ знать дорогу! — Ахъ, онъ странный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный.

Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный! Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вотъ и конь.
И точно : конь передо мною,
Скребетъ копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

Садись. — Вотъ сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки, — нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: все также; самъ же я
Сижу верхомъ и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вотъ что случается порою.

И сталъ крутить онъ длинный усъ,
Прибавя: молвить безъ обиды,
Ты хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.

СКАЗКА.

(1833).

СКАЗКА

О

МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Царь съ Царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И Царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись глядючи
Съ бѣлой зори до ночи,

Не видать милова друга!
Только видитъ: вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣленька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь
Богъ даетъ Царицѣ дочь.
Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издалеча, наконецъ
Воротился Царь - отецъ.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И къ обѣднѣ умерла.

Долго Царь былъ неутѣшенъ,
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ;
Годъ прошелъ какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.

Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямъ была Царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ и всѣмъ взяла;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела,
Съ нимъ привѣтливо шутила,
И красуясь говорила:
»Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
»Да всю правду доложи:
»Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
»Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?«
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
»Ты, конечно, спору нѣтъ;

»Ты, Царица, всѣхъ милѣе,
»Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.«
И Царица хохошатъ,
И плечами пожимать,
И подмигиваетъ глазами,
И прищелкиваетъ перстами,
И вертѣшься подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.

Но Царевна молодая,
Тихомолкомъ разцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась — и разцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Нраву кротkаго такова.
И женихъ сыскался ей,
Королевичъ Елисей.
Сватъ пріѣхалъ, Царь далъ слово,
А приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.

На дѣвичникъ собираясь,
Вопъ Царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ:
»Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
»Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?«
Что же зеркальце въ отвѣтъ?
»Ты прекрасна, спору нѣтъ;
»Но Царевна всѣхъ милѣе,
»Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.«
Какъ Царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ - то какъ притопнетъ! ....
»Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на зло.
Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь - то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бѣла;

Мать беременна сидѣла,
Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
Но скажи: какъ можно ей
Быть во всемъ меня милѣй?
Признавайся: всѣхъ я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь міръ; мнѣ ровной нѣтъ.
Такъ - ли?« Зеркальце въ отвѣтъ:
»А Царевна все жъ милѣе,
Все жъ румянѣй и бѣлѣе.«
Дѣлать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку,
И наказываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ своей,
Везть Царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.

Чортъ ли сладитъ съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ Царевной
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что Царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась. »Жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я Царица,
Я пожалую тебя.«
Та, въ душѣ ея любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
»Не кручинься, Богъ съ тобой.«
А сама пришла домой.
»Что?« сказала ей Царица,
»Гдѣ красавица - дѣвица?«
— »Тамъ въ лѣсу, стоитъ одна,«
Отвѣчаетъ ей она;

»Крѣпко связавши ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть.«

И молва трезвонить стала:
Дочка Царская пропала!
Тужитъ бѣдный Царь по ней.
Королевичъ Елиссей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу
За красавицей - душой,
За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей на встрѣчу песъ, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;

Въ ворота вошла она,
На подворьѣ тишина.
Песъ бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А Царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И Царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовый,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ не видно.
Домъ Царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,

На палати взобралась
И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался,
Топотъ по двору раздался:
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: »Что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто-же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый человѣкъ,
Дядей будешь намъ навѣкъ.
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названый.
Коль старушка, будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать.

Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица.«

И Царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что Царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полну наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочикъ прикусила,
И съ дороги отдыхать

Опросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ, мелькая,
А Царевна молодая
Все въ лѣсу, не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У Татарина отсѣчь,
Или выправить изъ лѣса
Пятигорскаго Черкеса.

А хозяюшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна
Приберешъ и приготовитъ.
Имъ она не прекословитъ,
Не перечитъ ей они.
Такъ идутъ за днями дни.

Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: »Дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ, за себя
Взять тебя мы всѣ бы ради,
Да нельзя, такъ Бога ради,
Помири насъ какъ нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.

Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?«

—»Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,«
Имъ Царевна говоритъ:
»Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей.

Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
«Спросъ не грѣхъ. Прости ты насъ,»

Старшій молвилъ поклонясь:
»Коли такъ, не заикнуся
Ужъ о томъ.« — »Я не сержуся,«
Тихо молвила она;
»И отказъ мой не вина.«
Женихи ей поклонились,
Поцихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ Царица злая,
Про Царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ, и сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:

«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?«
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но живешъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все жъ тебя милѣй.«
И Царица налетѣла
На Чернавку: «Какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ!...»
Та призналася во всемъ,
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогашкой угрожая,
Положила ль не жить,
Иль Царевну погубить.

Разъ Царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,

Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко,«
Ей кричитъ она въ окошко,
«Пригрожу сама я псу
И кой-что тебѣ снесу.»
Отвѣчаетъ ей черница:
«Охъ ты, дитяшко дѣвица!
Песъ прокляпый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выдь ко мнѣ.« — Царевна хочетъ
Выдти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги — и лаетъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;

Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо?
«Видно выспался онъ худо,«
Ей Царевна говоритъ;
«На жъ, лови!« и хлѣбъ летитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала;
«Благодарствую, сказала,
Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!«
И къ Царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летитъ....
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ....
Но Царевна въ обѣ руки,
Хвать — поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ,«
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.

И съ Царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотритъ, грозно воетъ,
Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкаетъ,
Треплетъ нѣжною рукою;
Что, Соколко, что съ тобою?
Лягъ! и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,

Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочикъ проглотила....
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала....

Братья въ ту пору домой
Возвращалися толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ на встрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжитъ и ко двору
Путь имъ кажетъ. Не къ добру!
Братья молвили; печали
Не минуемъ. Прискакали,

Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ знать оно.
Передъ мертвою Царевной
Братья въ горести душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Она,
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возстала отто сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный

Трупъ Царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ Пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградили;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ: «Спи во гробѣ;
Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
На землѣ твоя краса;
Духъ твой примутъ небеса.
Нами ты была любима
И для милаго хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному.»

Въ тотъ же день Царица злая,
Доброй вѣсти ожидая,

Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
«Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румяней и бѣлѣе?»
И услышала въ ошвѣтъ:
«Ты, Царица, спору нѣтъ,
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румяней и бѣлѣе.«

За невѣстою своей
Королевичъ Елисей
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
И кого не спроситъ онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется;
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ.
»Свѣтъ нашъ солнышко! ты ходишь

Круглый годъ по небу, сводишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
Ты Царевны молодой?
Я женихъ ей.« — »Свѣтъ ты мой,«
Красно солнце отвѣчало:
»Я Царевны не видало.
»Знашь ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
»Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
»Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
»Или слѣдъ ея замѣтилъ.«

Темной ночки Елисей
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался.
»Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченый рожокъ!

Ты всплешь во шмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокой,
И обычай швой любя,
Звѣзды смотрятъ на тебя.
Аль ошкажешь мнѣ въ ошвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты Царевны молодой?
Я женихъ сй.« — »Братецъ мой,«
Ошвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
»Не видалъ я дѣвы красной.
На сторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня Царевна видно
Пробѣжала.« — »Какъ обидно!«
Королевичъ ошвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
»Погоди; объ ней быть можетъ
Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.
Ты къ нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай.«

Елисей не унывая
Къ вѣтру кинулся, взывая:
»Вѣтеръ, вѣтеръ! Ты могучъ,
Ты гоняешь спаи тучь,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты Царевны молодой?
Я женихъ ея.« — »Постой,«
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
»Тамъ за рѣчкой тихоструйной
Есть высокая гора,
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ни чьихъ слѣдовъ

Вкругъ того пустаго мѣста,
Въ томъ гробу твоя невѣста.«

Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошолъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нее страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ Царевна вѣчнымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ

Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
»Какъ же долго я спала!«
И встаетъ она изъ гроба....
Ахъ!... и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее береттъ
И на свѣтъ изъ тмы несетъ,
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускаются обратно,
И трубитъ уже молва:
Дочка Царская жива!

Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: »Я ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?«

И услышала въ отвѣтъ:
»Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но Царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.«
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала
И Царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла
И Царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей;
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира;
Я тамъ былъ, медъ пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

БУДРЫСЪ

И ЕГО СЫНОВЬЯ.

(1833).

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три Литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода.
Пазъ идетъ на Поляковъ, а Ольгердъ на Прусаковъ,
А на Русскихъ Кестутъ Воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да храняшъ васъ Литовскіе боги!)
Нынѣче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду;
Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

Будетъ всѣмъ по паградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ Русскихъ добычей.
Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ парядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

А другой отъ Прусаковъ, отъ прокляпыхъ Крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогаго,
Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта. —
Янтаря — что песку тамъ морскаго.

Третій съ Пазомъ на Ляха пусть ударитъ безъ страха:
Въ Польшѣ мало богатства и блеску,
Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

Нѣтъ на свѣтѣ Царицы краше Польской дѣвицы.
Весела — что котенокъ у печки —
И какъ роза румяна, а бѣла, что сметана;
Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки!

Былъ я, дѣти моложе, въ Польшу съѣздилъ я тоже,
И оттуда привезъ себѣ жонку;
Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку.

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
Ждетъ, пождетъ ихъ старикъ домовитый,
Дни за днями проводитъ, ни одинъ не приходитъ.
Будрысъ думалъ: ужъ видно убиты!

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.
»Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Ге! не рубли ли?«
— »Нѣтъ, отецъ мой; Полячка младая.«

Снѣгъ пушистый валится; всадникъ съ ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
»Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?«
— »Нѣтъ, отецъ мой; Полячка младая.«

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой ее прикрываетъ.
Старый Будрысъ хлопочетъ, и спросить ужъ не хочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

ВОЕВОДА.

ВОЕВОДА.

Поздно почью изъ похода
Воротился Воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ..... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.

*

И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ нопупилъ грозны очи,
Спалъ крупнѣ свой сивый усъ.....
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ;
»Гей, ты, кликнулъ, чорновъ кусъ!

»А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я, васъ, хамы!..... Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!..... я жъ ее!«

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ,
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ — и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ у фонтана,
Въ бѣломъ плашѣ, видятъ, панна
И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: »Все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье,
Воевода все купилъ.

Сколько лѣтъ любой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ;
Серебромъ лишь побряцалъ онъ,
И ему ты отдалась.

Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать.«

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣни ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣшви тѣ глядятъ,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
»Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,«
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
»Вѣтеръ, что ли, плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.«

»Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку .... Наводи ....
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣе .... выше.
Съ панномъ справлюсь самъ. Пошише;
Прежде я; ты погоди.«

Выстрѣлъ по саду раздался.
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся . . . . .
Хлопецъ видно промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

КРАСАВИЦА.

(Въ Альбомъ Г****.)

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей:
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое-бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ свящыней красоты.

СКАЗКА.

СКАЗКА

О

ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ.

Нѣгдѣ въ придевяпомъ царспвѣ,
Въ придесяпомъ государспвѣ,
Жилъ былъ славный Царь Дадонъ.
Съ молоду былъ грозенъ онъ
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло,
Но подъ старость захопѣлъ
Отдохнупть отъ ратныхъ дѣлъ
И покой себѣ устроипть;
Тупъ сосѣди безпокоипть

Стали стараго Царя,
Спрашный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали
Но ни какъ не успѣвали:
Ждутъ бывало съ Юга, глядь —
Анъ съ Востока лѣзитъ рать,
Справятъ здѣсь, — лихіе гости
Идутъ отъ моря — со злости
Инда плакалъ Царь Дадонъ,
Инда забывалъ и сонъ.
Что и жизнь въ такой тревогѣ!
Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
Обратился къ мудрецу
Звѣздочету и скопцу —
Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ,
Вотъ мудрецъ передъ Дадономъ

Сталъ и вынулъ изъ мѣшка
Золотаго пѣтушка.
Посади ты эту птицу,
Молвилъ онъ Царю, на спицу;
Пѣтушокъ мой золотой
Будетъ вѣрный сторожъ твой:
Коль кругомъ все будетъ мирно
Такъ сидѣть онъ будетъ смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебѣ войны,
Иль набѣга силы бранной,
Иль другой бѣды незванной,
Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
Приподыметъ гребешокъ,
Закричитъ и встрепенется,
И въ то мѣсто обернется.
Царь скопца благодаритъ
Горы золота сулитъ —
За такое одолженье,
Говоритъ онъ въ восхищеньи,

Волю первую твою
Я исполню, какъ мою.

Пѣтушокъ съ высокой спицы,
Сталъ стеречь его границы —
Чуть опасность гдѣ видна
Вѣрный сторожъ какъ сосна
Шевельнется, встрепенется,
Къ той сторонкѣ обернется
И кричитъ кири ку ку.

. . . . . .

И сосѣди присмирѣли,
Воевать уже не смѣли.
Таковой имъ Царь Дадонъ
Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Годъ другой проходитъ мирно,
Пѣтушокъ сидитъ все смирно;
Вотъ однажды Царь Дадонъ
Страшнымъ шумомъ пробужденъ

Царь ты нашъ! Отецъ народа!
Возглашаетъ Воевода,
Государь! проснись! бѣда!
Что такое Господа?
Говоритъ Дадонъ, зѣвая,
А? Кто тамъ? бѣда какая?
Воевода говоритъ:
Пѣтушокъ опять кричитъ,
Страхъ и шумъ во всей столицѣ.
Царь къ окошку — анъ на спицѣ,
Видитъ, бьется пѣтушокъ
Обратившись на Востокъ.
Медлить нечего: скорѣе!
Люди, на конь! Эй, живѣе!
Царь къ Востоку войско шлетъ,
Старшій сынъ его ведетъ.
Пѣтушокъ угомонился,
Шумъ утихъ и Царь забылся.

Вотъ проходитъ восемь дней,
А отъ войска нѣтъ вѣстей:

Было - ль, не было - ль сраженья?
Нѣтъ Дадону донесенья.
Пѣтушокъ кричитъ опять —
Кличетъ Царь другую рать;
Сына онъ теперь меньшова
Шлетъ на выручку большова;
Пѣтушокъ опять утихъ.
Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ
Снова восемь дней проходятъ;
Люди въ страхѣ дни проводятъ,
Пѣтушокъ кричитъ опять,
Царь скликаетъ третью рать
И ведетъ ее къ Востоку
Самъ, не зная быть ли проку.

Войска идутъ день и ночь;
Имъ становится не въ мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробнаго кургана
Не встрѣчаетъ Царь Дадонъ

Что за чудо? мыслитъ онъ.
Вотъ осьмой ужъ день проходитъ,
Войско въ горы Царь приводитъ,
И промежъ высокихъ горъ
Видитъ шелковой шатеръ.
Все въ безмолвіи чудесномъ
Вкругъ шатра; въ ущельи тѣсномъ
Рать побитая лежитъ.
Царь Дадонъ къ шатру спѣшитъ...
Что за страшная картина!
Передъ нимъ его два сына
Безъ шеломовъ и безъ латъ
Оба мертвыя лежатъ,
Мечь вонзивши другъ во друга.
Бродятъ кони ихъ средь луга,
По притоптанной травѣ
По кровавой муравѣ.....
Царь завылъ: охъ дѣти, дѣти!
Горе мнѣ! попались въ сѣти
Оба наши сокола!

*

Горе! смерть моя пришла.
Всѣ завыли за Дадономъ,
Застонала тяжкимъ стономъ
Глубь долинъ и сердце горъ
Потряслося. Вдругъ шатеръ
Распахнулся ... и дѣвица,
Шамаханская Царица,
Вся сіяя какъ заря,
Тихо вступила Царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Дадономъ
Улыбнулась — и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала,
Уложила отдыхать

На парчевую кровать
И потомъ недѣлю ровно —
Покорясь ей безусловно
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Дадонъ.

Наконецъ и въ путь обратной
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близъ воротъ
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ
Всѣ бѣгутъ за колесницей
За Дадономъ и Царицей —
Всѣхъ привѣтствуетъ Дадонъ. . . .
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ сарачинской шапкѣ бѣлой
Весь какъ лебедь посѣдѣлый

Старый другъ его скопецъ.
А! здорово, мой отецъ,
Молвилъ Царь ему, что скажешь?
Подь поближе, что прикажешь?
Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ,
Разочтемся на конецъ.
Помнишь? за мою услугу
Обѣщался мнѣ, какъ другу,
Волю первую мою
Ты исполнишь какъ свою.
Подаришь ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую Царицу....
Крайне Царь былъ изумленъ.
Что ты? Старцу молвилъ онъ,
Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
Или ты съ ума рехнулся.
Что ты въ голову забралъ?
Я конечно обѣщалъ,
Но всему же есть граница.
И за чѣмъ тебѣ дѣвица?

Полно знаешь ли кто я?
Попроси ты отъ меня
Хоть казну, хоть чинъ боярской,
Хоть коня съ конюшни Царской,
Хоть полъ Царства моего. —
— Не хочу я ничего.
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую Царицу —
Говоритъ мудрецъ въ отвѣтъ —
Плюнулъ Царь: такъ лихъ же, нѣтъ!
Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты грѣшникъ мучишь —
Убирайся, цѣлъ пока;
Отпащите старика! —
Старичокъ хотѣлъ заспорить,
Но съ инымъ накладно вздорить;
Царь хватилъ его жезломъ
По лбу; тотъ упалъ ничкомъ
Да и духъ вонъ. — Вся столица
Содрогнулась — а дѣвица

Хи хи хи да ха ха ха!
Не боится знать грѣха.
Царь хоть былъ встревоженъ сильно,
Усмѣхнулся ей умильно —
Вотъ — въѣзжаетъ въ городъ онъ....
Вдругъ раздался легкой звонъ
И въ глазахъ у всей столицы
Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
Къ колесницѣ полетѣлъ
И Царю на темя сѣлъ,
Встрепенулся, клюнулъ въ темя
И взвился ... и въ тоже время
Съ колесницы, палъ Дадонъ —
Охнулъ разъ — и умеръ онъ —
А Царица вдругъ пропала,
Будто вовсе небывало —
. . . . . .
. . . . . .

СКАЗКА.

СКАЗКА

О

РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ морѣ закинулъ неводъ,

Пришелъ неводъ съ одною тиной.
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морской.
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
«Дорогой за себя дамъ откупъ:
«Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.»
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.

Воротился старикъ ко старухѣ
Разсказалъ ей великое чудо.
Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, непростую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нее выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.
Старика старуха забранила
Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нее корыто,
Наше то совсѣмъ раскололось.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?

Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше то совсѣмъ раскололось.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ,
Будетъ вамъ новое корыто.
Воротился старикъ ко старухѣ,
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много-ли корыстки?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю,
(Помутилося синее море)
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,

Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка:
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу проситъ сварливая баба.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ,
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой
Съ кирпичною, бѣленою трубою
Съ дубовыми, тѣсовыми вороты
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ.
Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:

Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою Дворянкой.

Пошелъ старикъ къ синему морю;
(Не спокойно синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка:
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой
Хочетъ быть столбовою дворянкой.
Отвѣчаетъ золотая рыбка
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ.

Воротился старикъ къ старухѣ,
Что-жъ онъ видитъ? Высокій теремъ.
На крыльцѣ стоитъ его старуха;

Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотыя перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ ташкаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай! теперь твоя душенька довольна.
На него прикрикнула старуха,
На конюшнѣ служить его послала.

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ:
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною Царицей.
Испугался старикъ, взмолился:

Что ты, баба, белены объѣлась?
Ни ступишь, ни молвить не умѣешь,
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа,
Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью;
Не пойдешь поведутъ по неволѣ.

Старичокъ отправился къ морю
(Почернѣло синее море)
Сталъ онъ кликать золотую рыбку
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой
Хочетъ быть вольною Царицей.

Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха Царицей!—

Старичокъ къ старухѣ воротился
Чтожъ? предъ нимъ Царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она Царицей,
Служатъ ей Бояре, да Дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вины;
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ, здравствуй, грозная Царица!
Ну теперь твоя душенька довольна.
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали Бояре и Дворяне,

Старика въ зашеи заволокли.
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ то надъ нимъ насмѣялся:
По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани! —

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ,
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
Воротись, поклонися рыбкѣ,
Не хочу быть вольною Царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мнѣ въ Окіанѣ морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ.

Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперегъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю,
Видитъ, на морѣ черная буря:
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она Царицей,
Хочетъ быть владычицей морской;
Чтобъ жить ей въ Окіанѣ морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылкахъ. —
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.

Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Недождался, къ старухѣ воротился — —
Глядь: опять передъ нимъ землянка;
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.

РАЗГОВОРЪ

КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

РАЗГОВОРЪ

Книгопродавца съ Поэтомъ. *

Книгопродавецъ.

Спишки для васъ одна забава,
Немножко стоишъ вамъ присѣсть,
Ужъ разгласишь успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть :
Поэма, говоряшъ, готова,
Плодъ новый умственныхъ заняѣй.

* Было напечатано при первой главѣ Онѣгина.

И такъ рѣшите; жду я слова:
Назначте сами цѣну ей.
Стишки любимца музъ и грацій
Мы вмигъ рублями замѣнимъ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Не льзя ль узнать?

Поэтъ.

Я былъ далеко:
Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
Я видѣлъ вновь пріюты скалъ
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;

Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой - то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя раждались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рифмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,

Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы младой
Хранитъ любовникъ суевѣрной.

Книгопродавецъ.

Но слава замѣнила вамъ
Мечтанья тайнаго отрады:
Вы разошлися по рукамъ,
Межъ тѣмъ, какъ пыльныя громады
Лежалой прозы и стиховъ

Напрасно ждутъ себѣ чтецовъ,
И вѣшренной ея награды.

Поэтъ.

Блаженъ, кто про себя шалъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ ли чтеца?
Гоненье ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

Книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья;
Жуковскій то же говорилъ:

Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
Ихъ сладкозвучныя творенья.
И впрямъ, завидѣнъ вашъ удѣлъ:
Поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ;
Героевъ утѣшаетъ онъ;
Съ Коринной на Кіевскій тронъ
Свою любовницу возноситъ.
Хвала для васъ докучный звонъ;
Но сердце женщинъ славы проситъ:
Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
Пріятна лесть Анакреона:
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

Поэтъ.

Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,

Искалъ вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои:
Но полно; въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пускай ихъ юноша поетъ,
Любезный баловень природы.
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Спонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтреной души;
Нечисто въ нихъ воображенье:
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрагаюсь, сердцу больно:

Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить ни устыдился?

Книгопродавецъ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
Причины вашихъ огорченій
Мнѣ знать нельзя; но изключеній
Для милыхъ дамъ уже ли нѣтъ?
Уже ли ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей,
И вашихъ пѣсень не присвоитъ
Всесильной красотѣ своей?
Молчите вы.

Поэтъ.

Зачѣмъ поэту
Тревожить сердца тяжкій сонъ?

Безплодно память мучитъ онъ.
И что жъ? Какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранитъ ли образъ незабвенный?
Любви блаженство зналъ ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Тайлъ я слезы въ шишинѣ?
Гдѣ ша была, которой очи,
Какъ небо, улыбались мнѣ?
Вся жизнь, одна ли, двѣ ли почи?
. . . . . .
И что жъ? Докучный сионъ любви,
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содраганьемъ:
Судьбою такъ ужъ рѣшено.
Ахъ, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить,
И сны поэзіи бывалой

Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумѣла
Стихи неясные мои;
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ излiянья,
Какъ божеству, ненужно ей.

Книгопродавецъ.

И такъ, любовью утомленной,
Наскуча лепетомъ молвы,
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтреную моду,
Что жъ изберете вы?

Поэтъ.

Свободу.

Книгопродавецъ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ;
Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но васъ я знаю, господа:
Вамъ ваше дорого твореньe,
Пока на пламени труда
Кипитъ, бурлитъ воображенье;
Оно застынетъ, и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.

*

Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходятъ
Нетерпѣливые чтецы;
Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
За ними тощіе пѣвцы:
Кто проситъ пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И, признаюсь, отъ вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэтъ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись. Условимся.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

1.

(Изъ Ксенофана Колофонскаго.)

Чистый лоснится полъ; стекляныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладона сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбы,
янтарный
Медъ и сыръ молодой: все готово; весь убранъ
цвѣтами

Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,
Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
Должно Безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
Правду блюсти: вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо!

2.

(Изъ Аѳенея.)

Славная флейта, Ѳеонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоровъ
Спарецъ ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирталъ родилъ
И вдохновенный, нарекъ младенца Ѳеономъ. За чашей
Сладостно Вакха и Музъ славилъ пріятный Ѳеонъ.
Славилъ и Вакхала онъ, молодаго красавца: прохожій!
Мимо гробницы спѣша, вымолви: здравствуй, Ѳеонъ!

ЭЛЕГІЯ.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть — на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПѢСНЯМЪ

ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Большая часть этихъ пѣсенъ взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ концѣ 1827 *года, подъ названіемъ:* La Guzla, ou choix de Poësies Illyriques, receuillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'herzegowine. *Неизвѣстный Издатель говорилъ въ своемъ предисловіи, что собирая нѣкогда безъискуственныя пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнародовать, но что потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которыя въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихъ образцевъ, вспомнилъ онъ о собраніи своемъ, и по совѣту друзей, перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ, и проч. Сей неизвѣстный собиратель былъ никто иной какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, Авторъ Театра*

Клары Газюль, Хроники времень Карла IX, Двойной Ошибки, и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней Французской Литературы. Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій и тонкій и знатокъ въ Славенской Поэзіи, не усумнился въ подлинности сихъ пѣсень, а какой-то ученый Нѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацію.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсень: С. А. С., по моей просьбѣ, писалъ о томъ, къ Мериме, съ которымъ былъ онъ коротко знакомъ, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо:

Paris 18 Janvier 1835.

Je croyois, Monsieur, que la Guzla n'avoit eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un

joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier étoit de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grace 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avions formé le projet de faire un vogage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire; Arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste puis delà à Raguse. La proposition fut adoptée mais nous étions fort légers d'argent et cette „douleur nompareille" comme dit Rabelais nous arrêtais au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je

demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire, on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On dejeunait à Midi et je me levais à dix heure, quand j'avois fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au Salon, j'écrivois une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en seroit facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-la quelques mots Illyriques pour faire parade de son savoir (il en savoit peut-être autant que moi). J'ai receuilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avois lu le chapitre intitulé De costumi dei

Morlachi dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan Aga qui est reellement Illyrique; mais cette traduction étoit en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étoient répétés avec l'enterprêtation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étois embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononcant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avoit déterré Fortis et la ballade de Hassan Aga, et l'avoit traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avois pillé. Le premier vers illyrique est:

Seto se bieli u *gorje* zelenoi

Fortis à traduit:

Che mai biancheggia nel verde *Bosco*

Nodier a traduit bosco, par *plaine verdoyante*;

c'étoit mal tomber, car on me dit que *gorje* veut dire colline. Voila mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

ПѢСНИ

ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

1.

ВИДѢНІЕ КОРОЛЯ. 1)

Король ходитъ большими шагами
Взадъ-и-впередъ по палатамъ;
Люди спятъ — королю лишь не спится:
Короля Султанъ осаждаетъ,
Голову отсѣчь ему грозится
И въ Стамбулъ отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку;
Не услышитъ - ли какого шума?

Слышитъ, воетъ ночная птица,
Она чуетъ бѣду немилучу,
Скоро ей искать новой крови
Для своихъ птенцевъ горемычныхъ.

Не сова воетъ въ Ключъ-Градѣ,
Не луна Ключь-Городъ озаряетъ,
Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божію церковь.

Сталъ на паперти, дверь отворяетъ...
Ужасомъ въ немъ замерло сердце,
Но великую творитъ онъ молитву
И спокойно въ церковь Божію входитъ.

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостѣ валяются трупы,
Между ими хлещетъ кровь ручьями
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ шагая черезъ трупы,
Кровь по циколку [2]) ему досягаетъ...

Горе! въ церкви Турки и Ташары
И предатели враги *Богумилы*. [3])
На амвонѣ самъ Султанъ безбожный
Держитъ онъ на голо саблю,
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ востріа до самой рукояти.

Короля незапный обнялъ холодъ:
Тутъ-же видитъ онъ отца и брата.
Предъ Султаномъ старикъ бѣдный справа
Униженно стоя на колѣнахъ,
Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также стоя на колѣнахъ,

Его сынъ, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый,
(Съ тою самою веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго сипарца),
Край полы у Султана цѣлуетъ,
Какъ холопъ наказанный *фалангой.* 4)

И Султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивою:
«Будь надъ Босніей моей ты властелиномъ,
Для глуръ-христіянъ беглербеемъ. 5)
И отступникъ билъ челомъ Султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И Султанъ прислужниковъ кликнулъ,
И сказалъ: «Дать кафтанъ Радивою! 6)
Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
А содрать на кафтанъ Радивоя
Кожу съ брата его роднаго.»

Бусурмане на короля наскочили,
До нага всего его раздѣли,
Атаганомъ ему кожу вспороли,
Сипали драшь руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже! меня наказуя!
«Плошь мою предай на растерзанье,
«Лишь помилуй мнѣ душу, Іисусе!»

При семъ имени церковь задрожала,
Все внезапно ушихнуло, померкло, —
Все исчезло — будто не бывало.

И король ощупью въ потемкахъ
Кос-какъ до двери добрался,
И съ молишвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба, 7)
И пошли бусурмане на приступъ.

2.

ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ разъѣздахъ Бей Янко Марнавичъ?
Что ему дома не сидится?
Отъ чего двухъ ночей онъ сряду
Подъ одною кровлей не ночуетъ?
Али недруги его могучи?
Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья.
Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ бездомный,
Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались, 8)
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки имъ избраннаго брата.

Веселое было пированье,
Много пили меду и горѣлки;
Охмѣлѣли, обезумили гости,
Два могучіе Бея побранились.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ тоскуя бродитъ,
Словно волъ ужаленный змѣею.

Наконецъ онъ на родину ворошился,
И вошелъ въ церковь святаго Спаса.
Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
И ошужиналъ со своей семьею,
Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
«Посмотри, жена, ты въ окошко.
Видишь ли церковь Спаса отселѣ?»
Жена вспала, въ окошко поглядѣла,
И сказала: «На дворѣ полночь,
За рѣкою густые туманы,
За туманомъ ничего не видно.»
Повернулся Янко Марнавичъ,
И тихонько сталъ читать молитву.

Помоливши, онъ опять ей молвилъ:
«Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
И жена, поглядѣвъ, ошвѣчала:
«Вижу, вонъ, малый огонёчикъ

Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою.
Улыбнулся Янко Марнавичъ,
И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что тамъ еще видно?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу я на рѣкѣ сіянье,
Близится оно къ нашему дому.»
Бей вздохнулъ, и съ постели свалился.
Тутъ и смерть ему приключилась.

3.

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ. 9)

Радивой поднялъ желтое знамя:
Онъ идетъ войной на бусурмана.
А Далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На бекрень надѣли свои шапки,
И сказали: «Возьмите насъ съ собою: 10)
Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»
Радивой дружелюбно ихъ принялъ

И сказалъ имъ: «Милости просимъ!»
Перешли мы заповѣдную рѣчку,
Стали жечь Турецкія деревни,
А Жидовъ на деревьяхъ вѣшать. 11)
Беглербей со своими Бошняками
Противъ насъ пришелъ изъ Банялуки; 12)
Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбѣжались измѣнники Далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
Мы домой воротимся съ тобою
И раскажемъ эту битву нашимъ дѣтямъ.»
Стали биться мы тогда жестоко,
Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ;
Кровью были покрыты наши сабли
Съ острія по самой рукояти.
Но когда черезъ рѣчку стали
Тѣсной кучкою мы переправляться,

Селихтаръ 13) съ крыла на насъ ударилъ
Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
Радивой сказалъ тогда намъ: «Дѣти,
«Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
«Намъ управиться съ ними невозможно.
«Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
«И спасайся тамъ отъ Селихтара.»
Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать,
Всѣ друзья, родные Радивою,
Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
Закричалъ Георгій Радивою:
«Ты садись, Радивой, поскорѣе
На коня моего воронаго;
Черезъ рѣчку вплавь переправляйся,
Конь тебя изъ погибели вымчитъ.»
Радивой Георгія не послушалъ,
Наземь сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
Тутъ враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

4.

ѲЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

. . . . . .

. . . . . .

Спамапи былъ старъ и безсиленъ,
А Елена молода и проворна;
Она такъ-то его оттолкнула,
Что ушелъ онъ охая да хромая.
По дѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
Ай да баба! отдѣлалась славно!

Вотъ Сшамаши сталъ думашь думу:
Какъ ему погубишь бы Елену?
Онъ къ Жиду лиходѣю приходишъ,
Отъ него онъ шребуешъ совѣша.
Жидъ сказалъ: «Сшупай на кладбище,
Отыщи подъ каменьями жабу,
И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ.»

На кладбище приходишъ Сшамаши,
Отыскалъ подъ каменьями жабу,
И въ горшкѣ Жиду ее приноситъ.
Жидъ на жабу проливаетъ воду,
Нарекаетъ жабу Иваномъ
(Грѣхъ великъ Христіанское имя
Нарещи шакой поганой швари!).
Они жабу всю потомъ изкололи,
И ее — ея жъ кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизашь поспѣлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ:
«Отнеси ты Еленѣ эту сливу,
Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
Принесъ мальчикъ Еленѣ сливу,
А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
Показалось бѣдной молодицѣ,
Что змія у ней въ животѣ шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молокомъ напоила,
Но змія въ животѣ все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то будетъ ей отъ мужа,
Какъ воротится онъ изъ-за моря!
И Елена стыдится и плачетъ,
И на улицу выдти не смѣетъ,

День сидитъ, ночью ей не спится.
Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и — Ѳеодоръ
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бѣжитъ къ нему на встрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ не ищетъ онъ ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?« наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой, — и видитъ,
На постелѣ сидитъ его Елена.
„Встань Елена,» говоритъ Ѳеодоръ.
Она встала, — онъ взглянулъ сурово.
Господинъ мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,

*

Предъ тобою я невиновата,
Испортили меня злые люди.»

Но Ѳеодоръ женѣ не повѣрилъ:
Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.
Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нее выну ее живаго,
При себѣ воспитывать буду.
Я увижу, на кого онъ походитъ,
Такъ навѣрно отца его узнаю
И убью своего злодѣя.»

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
Что-жъ! — на мѣсто милаго дитяти,
Онъ черную жабу находитъ.
Взвылъ Ѳеодоръ: «Горе мнѣ убійцѣ!
Я сгубилъ Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди.»

Поднялъ онъ голову Елены,
Спалъ ее цѣловапь умиленно,
И мертвыя уста отворились,
Голова Елены провѣщала:

«Я невинна. Жидъ и старый Спамаши
Черной жабой меня окормили.»
Тутъ опять уста ея сомкнулись
И языкъ пересталъ шевелиться.

И Ѳеодоръ Спамаши зарѣзалъ,
А Жида убилъ какъ собаку,
И отпѣлъ по женѣ панихиду.

5.

ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ. 15)

Какъ покинула меня Парасковья
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ Далматъ пришелъ ко мнѣ лукавый:
«Сшупай, Дмитрій, въ морской шы городъ,
Тамъ цехины чшо у насъ каменья.

«Тамъ солдашы въ шелковыхъ кафшанахъ,
И шолько чшо пьюшъ да гуляюшъ:

Скоро шамъ ты разбогатѣешь,
И ворошишься въ шитомъ долиманѣ
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусляхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Ворошись, когда разбогатѣешь.»

Я послушался лукаваго Далмата.
Вотъ живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по нашему молвлю;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я завялъ какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу — Здравствуй Дмитрій Алексѣичъ!
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.

6.

ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ
Притаился храбрый Гайдукъ Хризичъ. 16)
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына,
Имъ нельзя изъ пещеры выдти,
Стерегутъ ихъ недруги злые.
Коли чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.

Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадинѣ камня.
На четвертый взошло красно-солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь Богъ! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризичъ глядя на нее не заплакалъ,
Сыновья плакать при немъ не смѣли;
Они только очи отирали
Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
Сталъ глядѣть онъ на мертвую матерь,
Будто волкъ на спящую кòзу.
Его братъ, видя то, испугался.
Закричалъ онъ старшему брату:
«Милый братъ! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умремъ мы голодною смертью,

Спанемъ мы выходишь изъ могилы
Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ.» [17])
Хризичъ всталъ и промолвилъ: «Полно!
«Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
И всѣ трое со скалы въ долину
Сбѣжали какъ бѣшеные волки.
Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
Семью пулями каждый изъ нихъ простреленъ;
Головы враги у нихъ отсѣкли
И на копья свои насадили, —
А и тушъ глядѣть на нихъ не смѣли.
Такъ имъ страшенъ былъ Хризичъ съ сыновьями.

7.

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ,

Іакинфа Маглановича. 18)

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Воленъ умеръ ты какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

Вспоминай насъ за могилой,
Коль сойдетесь какъ-нибудь;
Отъ меня отцу, братъ милой,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила;
Я здоровъ, — и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ:
Умный мальчикъ у меня;
Ужъ владѣетъ Ашаганомъ,
И стрѣляетъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ иль нѣтъ, — узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна
Чарка выпита до дна.

8.

МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ,
Блѣденъ онъ и чуть ноги волочитъ,
Проситъ онъ напиться, ради Бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшикъ,
И прохожій до дна его выпилъ.

Вопъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ:
«Это что подъ горою шамъ видно?»
Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
«То кладбище наше родовое»
Говоритъ незнакомый прохожій:
«Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
Потому что мнѣ жить ужъ не долго.»
Тутъ широкій розвилъ онъ поясъ,
Кажетъ Маркѣ кровавую рану.
«Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ
Бусурмана свинцовую пулю.
Какъ умру, ты зарой мое тѣло
За горой, подъ зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный былъ воинъ.«

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко сталъ осматривать рану.
Вдругъ сказала молодая Зоя:
Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ

Поддержашь гостя нашего долѣ.»
Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня воронаго,
Взялъ съ собою мертвое тѣло,
И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
Тамъ глубокую вырыли могилу,
И съ молитвой мертвеца схоронили.
Вотъ проходитъ недѣля, другая,
Сталъ худѣть сыночикъ у Марка;
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
Къ Якубовичу Калуеръ приходитъ, —
Посмотрѣлъ на ребенка, и молвилъ:
«Сынъ твой боленъ опасною болѣзнью;
Посмотри на бѣлую его шею:
Видишь ты кровавую ранку? 19)
Это зубъ Вурдалака, повѣрь мнѣ.»

Вся деревня за старцемъ Калуеромъ
Отправилась тотчасъ на кладбище;
Тамъ могилу прохожаго разрыли,
Видятъ, — трупъ румяный и свѣжій, —
Ногти выросли какъ воронья когти,
А лице обросло бородою, —
Алой кровью вымазаны губы, —
Полна крови глубокая могила.
Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
Но мертвецъ завизжалъ, и проворно
Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
Онъ бѣжалъ быстрѣе чѣмъ лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,
А суки деревъ такъ и трещали,
Ломаясь какъ замерзлыя прутья.

Калуеръ могильною землею 20)
Ребенка больнаго всего выперъ,
И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.

На закатѣ краснаго солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
Въ эту пору умеръ злой прохожій.»

Вдругъ собака громко завыла,
Отворилась дверь сама собою,
И вошелъ великанъ, наклонившись,
Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
Неподвижно глядѣлъ на него Марко
Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
Запалилъ кипарисную вѣшку,
И подулъ дымъ на великана.
И затрясся Вурдалакъ прокляпый,
Въ двери бросился, и бѣжать пустился,
Будто волкъ охотникомъ гонимый.

*

На другія сутки въ ту же пору
Песъ залаялъ, дверь отворилась,
И вошелъ человѣкъ незнакомый.
Былъ онъ ростомъ, какъ Цесарскій рекрутъ.
Сѣлъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марко;
Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карлякъ малый, —
Могъ бы онъ верьхомъ сидѣть на крысѣ,
Но сверкали у него злыя глазки.
И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

9.

БОНАПАРТЪ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»
Бонапарте вопросилъ:
«Правда ль: это племя злое,
«Не боится нашихъ силъ?

«Такъ раскаятся жъ пахалы:
«Объявить ихъ старшинамъ,
«Чтобы ружья и кинжалы
«Всѣ несли къ моимъ ногамъ.»

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ Мамлюковъ роту,
И косматыхъ Кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты, —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы.....

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ, —
Вотъ они вступили, въ горы,
Истребляя все кругомъ.

. . . . . .
. . . . . .

Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ, смятеніе!... Глядятъ:

У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Спой! пали! Пусть каждый сбросишь
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не просишь:
Не щадите жъ никого!»

Ружья грянули, — упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Припавшись между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы Французамъ: — «Эхо чтo?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо, что-ли?» Нѣтъ не то!

Ихъ полковникъ повалился.
Съ нимъ сто двадцать человѣкъ.

Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

И Французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу не взлачай.

10.

СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни,
У меня ли у молодца
Три великія забошы!
Какъ ужъ первая забошa,
Рано молодца женили;
А вторая-то забошa, —
Воронъ конь мой приломился;

Какъ ужъ прешья-то забота —
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки.
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

11.

ПѢСНЯ О ГЕОРГІѢ ЧЕРНОМЪ.

Не два волка въ оврагѣ грызутся,
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ браняшся.
Старый Петро сына укоряетъ:
«Бунтовщикъ ты, злодѣй прокляшый!
Не боишься ты Господа Бога,
Гдѣ тебѣ съ Султаномъ тягаться,
Воевать съ Бѣлградскимъ пашею!
Аль о двухъ головахъ ты родился?
Пропадай ты себѣ, окаяшый,
Да за чѣмъ ты всю Сербію губишь?»

Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
«Изъ ума старикъ, видно, выжилъ,
Коли лаешь безумныя рѣчи.»
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать ослушнаго сына,
Объявить убѣжище Сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
Георгій старика догоняетъ:
«Воротися, отецъ, воротися!
Отпусти мнѣ невольное слово.»
Старый Петро не слушаетъ, грозится:
«Вотъ уже, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.
Не взглянулъ на сына старый Петро.
Догоняетъ вновь его Георгій,
И хватаетъ за сивую косу.
«Воротись, ради Господа Бога:

Не введи ты меня въ искушенье!»
Оттолкнулъ старикъ его сердито,
И пошелъ по Бѣлградской дорогѣ.
Горько, горько, Георгій заплакалъ,
Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
Взвелъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же
Закричалъ Петро, зашатавшись:
«Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
И упалъ на дорогу бездыханенъ.
Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
Его мать вышла ему на встрѣчу.
«Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
Отвѣчаетъ Георгій сурово:
«За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,
И заснулъ на Бѣлградской дорогѣ.» [21])
Догадалась она, завопила:
«Будь же Богомъ проклятъ ты, черный,
Коль убилъ ты отца роднаго!»
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей прозывается Черный.

12.

ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смилуйся Ты, Боже!
Заѣдаютъ насъ волки Янычары!
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ пасмѣшку
Распѣвать зазорныя пѣсни
И плясать басурманскія пляски.
Старики даже съ нами согласны:
Унимать насъ они перестали, —

Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
Гусляры насъ въ глаза укоряютъ:
Долго ль вамъ мирволить Янычарамъ?
Долго ль вамъ терпѣть оплеухи?
Или вы ужъ не Сербы, — Цыганы!
Или вы не мужчины, — старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые домы,
Уходите въ Велійское ущелье, —
Тамъ гроза готовится на Турокъ,
Тамъ дружину свою собираетъ
Старый Сербинъ, воевода Милошъ.

13.

ВУРДАЛАКЪ.

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ позднею порой,
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шелъ домой.

Бѣдный Ваня еле дышетъ,
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ, —
Кто-то кость, ворча, грызетъ.

Ваня сталъ; — шагнуть не можетъ.
Боже! думаетъ бѣднякъ,
Это вѣрно кости гложетъ
Красногубый Вурдалакъ.

Горе! малый я не сильный;
Съѣстъ Упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ.

Что-же? вмѣсто Вурдалака —
(Вы представьте Вани злость!)
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

14.

СЕСТРА И БРАТЬЯ 22).

Два дубочка выростали рядомъ,
Между ими тонковерхая елка.
Не два дуба рядомъ выростали,
Жили вмѣстѣ два брапца родные:
Одинъ Павелъ, а другой Радула,
А межъ ими сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость;
Напослѣдокъ ей ножъ подарили

Золоченый въ серебряной оправѣ.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говоритъ она Радуловой любѣ:
«Невѣстушка, по Богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелія такова,
Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
Отвѣчаетъ Радулова люба:
«По Богу сестра моя, невѣстка,
Я не знаю зелія такова;
Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала;
И меня братья мои любили,
И мнѣ всякую оказывали милость.»
Вотъ пошла Павлиха къ водопою,
Да зарѣзала коня воронаго,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ей подарки:
Извела она коня воронаго.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:

*

«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ,
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола тамъ заколола,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Вѣдь она сокола заколола.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха по вечеру поздно
Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола

Въ колыбелькѣ его золоченой.
Рано ушромъ къ мужу прибѣжала,
Громко воя и лице терзая.
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Заколола у насъ она ребенка.
А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
Осмотри ты ножъ ея злаченый.»
Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это,
Побѣжалъ къ Елицѣ, во свѣтлицу:
На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый.
Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ, —
Ножъ злаченый весь былъ окровавленъ.
Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
«Ой сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня воронаго,
И въ саду сокола заколола;
Да за что ты зарѣзала ребенка?»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:

«Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
Пусть они мое бѣлое тѣло
Разорвутъ на четыре части.»
Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алыя цвѣточки;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молодая Павлиха:
Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ, —
Выросла трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ люшый змѣй гнѣздится,

Пѣснъ ей очи, самъ уходитъ къ почи.
Люто страждетъ молода Павлиха;
Говоритъ она своему господину:
«Слышишь ли, господинъ ты мой, Павелъ,
Сведи меня къ золовкиной церкви,
У той церкви авось исцѣлюся.»
Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,
И какъ были они уже близко,
Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
Какъ услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
Не веди меня къ бѣлому дому,
А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
И пусти ихъ по чистому полю.»
Своей любы послушался Павелъ,
Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
И погналъ ихъ по чистому полю.

Гдѣ попала капля ея крови,
Выросло тамъ тернье да кропива;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
На томъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлькѣ сидитъ соколъ птица,
Лежитъ въ люлькѣ маленькій мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ пешкинъ ножъ золоченый.

15.

ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ [25].

Полюбилъ королевичъ Яныш
Молодую красавицу Елицу,
Любишъ онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ женишься
На Любусѣ, Чешской королевнѣ.
Съ прежней любой идешъ онъ проститься.
Ей приноситъ съ червонцами чересъ,
Да гремучія серги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье,

Самъ ей вдѣлъ онъ серги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересъ,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
И поѣхалъ своею дорогою.
Какъ одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Изъ ушей выдернула серги,
Ожерелье на двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица:
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходятъ три года и болѣ,
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы;
Захотѣлъ онъ коня воронаго
Напоить студеною водою.

Но лишь только запѣненную морду
Сунулъ конь въ студеную воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ,
На уздѣ виситъ Водяница
Какъ на удѣ пойманная рыбка, —
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня воронова,
Осадивъ могучею рукою.
На праву Водяница прыгнула
Говоритъ ей Яшъ королевичъ:
«Раскажи, какое ты твореньe:
Женщина ль тебя породила,
Иль Богомъ проклятая Вила?»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,

Мой отецъ Янышъ королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей.»
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня воронова,
Обнялъ дочь свою, Водяницу
И слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твоя мать Елица?
Я слыхалъ, что она потонула.»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ,
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
«Такъ иди же къ водяной царицѣ,
И скажи ей: Янышъ королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданія проситъ
На зеленомъ берегу Моравы.

Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлыя груди,
Поднялась царица водяная,
И сказала: «Янышъ королевичъ,
У меня свиданія просилъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мнѣ на зеленой берегъ,
Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ:
«Нѣтъ, не выду, Янышъ королевичъ,

Я къ тебѣ на земный берегъ.
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Раскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Отвѣчаетъ Япышъ королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ.»

16.

КОНЬ.

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ;
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебрены подковы,
Не злочены стремена?

*

Отвѣчаетъ конь печальный:
Отъ того я присмирѣлъ,
Что я слышу шопотъ дальный,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Отъ того я ржу, что въ полѣ
Ужъ недолго мнѣ гулять,
Проживать въ краснѣ и въ холѣ
Свѣтлой сбруей щеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдереть;
Отъ того мой духъ и ноетъ
Что на мѣсто чапрака
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшія бока.

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПѢСНЯМЪ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

1) Ѳома I былъ тайно умерщвленъ своими двумя сыновьями Стефаномъ и Радивоемъ въ 1460 году. Стефанъ ему наслѣдовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію къ Магомету II. Стефанъ, по внушенію Папскаго легата, рѣшился воевать съ Турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключь-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ онъ не согласился принять Магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу.

2) Щиколодка, по Московскому нарѣчію щиколка.

3) Такъ называютъ себя нѣкоторые Иллирійскіе раскольники.

4) *Фаланга*, палочные удары по пятамъ.

5) Радивой никогда не имѣлъ этого сана; и всѣ члены Королевскаго семейства истреблены были Султаномъ.

6) Кафтанъ, обыкновенный подарокъ Султановъ.

7) Анахронизмъ.

8) Трогательный обычай *братованія*, у Сербовъ и другихъ западныхъ Славянъ, освящается духовными обрядами.

9) Неизвѣстно къ какому произшествію относится эта пѣсня.

10) Потеря сраженія приписывается Далматамъ, ненавистнымъ для Влаховъ.

11) Жиды въ Турецкихъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доставалось отъ Мусульманъ и Христіанъ. Участь ихъ, замѣчаетъ В. Скопинъ, походитъ на участь летучей рыбы — М.

12) Банялука, прежняя столица Боснійскаго Пашалыка.

13) Селихтаръ, мечеиосецъ.

14) Всѣ народы почитали жабу ядовитымъ живоцнымъ.

15) Мицкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню.

16) Гайдукъ, глава, начальникъ. Гайдуки не имѣютъ пристанища и живутъ разбоями.

17) Западные Славяне вѣряпъ существованію *Упырей* (vampire). См. пѣсню *о Маркѣ Якубовичѣ.*

18) Мериме помѣстилъ въ началѣ своей *Guzla* извѣстіе о старомъ гусляре Іакиноѣ Маглановичѣ, неизвѣстно, существовалъ ли онъ когда нибудь; но статья его Біографа имѣетъ необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобія. Книга Мериме рѣдка и читатели, думаю, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь жизнеописаніе Славянина — поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de guzla que j'ai vu, qui fût aussi poëte; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches, en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

*

Notre poëte est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade intitulée *l'Aubépine de Veliko.* Il était fils d'un cordonnier, et ses parens ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *Tchingénehs* ou Bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart [1]). Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'est pas de peine à se décider à quiter un

1) Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitemens. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. Le moine qui l'avait rebaptisé l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

De Livno à Scign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation [1].

---

1) J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitans des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par cœur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterremens, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs de Scign, se souciant fort peu de ses parens, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus poëte et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille dun riche Morlaque, nommé Zlarinovich.

Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les mœurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parens pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et

s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des Heyduques 1).

Il vécut long-temps avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les Pandours 2). Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfans. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfans s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les Heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très-facilement l'illyrique,

1) Espèce de bandits.

2) Soldats de la police.

et je désirais beaucoup entendre un poëte en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas * * *, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une

partie de la joue. Il est très-extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'œil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir : ses vêtemens étaient assez vieux, mais encore très-propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif : je chanterai quand je serai rassasié. Nous dînâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son

verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en Décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eût moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux une autre fois : j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle ; mais allors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange : il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement

jusqu'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets qu'il m'avait pris.

En 1817, je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfans et petits-enfans me sautèrent au cou, et quand je le quittai, son fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

19) Вурдалаки, Вудкодлаки, Упыри, мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей.

20) Лѣкарствомъ отъ укушенія Упыря служитъ земля, взятая изъ его могилы.

21) По другому преданію, Георгій сказалъ товарищамъ: Старикъ мой умеръ; возьмите его съ дороги.

22) Прекрасная эта поэма взята мною изъ Собранія Сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича.

23) Пѣсня о Янышѣ Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ только первую, и то не всю.

86104

